

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ВЕЛИКИЙ КАНЦЛЕР

НИКТО КРОМЕ НАС - 6

Никто кроме нас

Александр Михайловский
Великий канцлер

«Александр Михайловский и Юлия Маркова»

2019

Михайловский А. Б.

Великий канцлер / А. Б. Михайловский — «Александр Михайловский и Юлия Маркова», 2019 — (Никто кроме нас)

Шестая книга серии "Никто кроме нас". Императрица Ольга вступила на престол, но Российское государство требует капитального ремонта. Новая власть коренным образом обновляет элиту, привлекая к сотрудничеству таких людей как С. Морозов, И. Джугашвили и В. Ульянов. Наряду с разработкой экономических и социальных преобразований укрепляются и внешние рубежи. И напоследок в Великом княжестве Финляндском случается давно назревший националистический мятеж, но его быстрый разгром укрепляет позиции Российской Империи.

© Михайловский А. Б., 2019
© Александр Михайловский и Юлия
Маркова, 2019

Содержание

Часть 21. Экстренная терапия	5
[1 августа 1904 года, 10:05. Санкт-Петербург, Зимний дворец, кабинет Канцлера Российской Империи	5
[тогда же и там же	9
[пять минут спустя, там же	15
[2 (15) августа 1904 года, полдень. Санкт-Петербург, Зимний дворец, Готическая библиотека	19
[2 августа 1904 года, 17:05. Санкт-Петербург. Зимний дворец. Малахитовая гостиная	22
[3 августа 1904 года, 20:15. Царское Село, Александровский дворец	27
[4 августа 1904 года, 14:15. Санкт-Петербург, Зимний дворец, кабинет Канцлера Российской Империи	30
[5 августа 1904 года, 17:45. Санкт-Петербург, Зимний дворец, Готическая библиотека.]	36
[Тогда же и там же. Коммерческий директор АОЗТ «Белый Медведь» д.т.н. Лисовая Алла Викторовна.]	39
[7 августа 1904 года, 12:15. Санкт-Петербург, Зимний дворец, кабинет Канцлера Российской Империи	41
[9 августа 1904 года, 12:15. Санкт-Петербург, Петропавловская крепость	45
[Четверть часа спустя. Санкт-Петербург, Петропавловская крепость, кабинет замначальника СИБ	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Никто кроме нас

Том 6

Великий канцлер

Часть 21. Экстренная терапия

[1 августа 1904 года, 10:05. Санкт-Петербург, Зимний дворец, кабинет Канцлера Российской Империи Канцлер Империи Павел Павлович Одинцов.]

Первое, что мне пришло на ум после ознакомления с текущими делами – это аллегорический образ Империи, которая еще хорохорится и принаряжается, но при этом внутри нее уже таится смертельная болезнь, которая и приведет ее к гибели в феврале и погребению в октябре семнадцатого года... Но мы-то не могильщики, а реаниматоры – поэтому сложившаяся ситуация нам активно не нравится. Собственно, дело не в том, кто виновен в таком положении дел. Прошлый и позапрошлый императоры своими действиями и бездействием доведшие Россию до нижней точки, находятся вне критики. О бывших правящих особах, живых или мертвых, следует говорить либо хорошо, либо никак. Вот мы и будем никак. Пинать предшественников – последнее дело. Уже давно подмечено, что частенько за этим занятием скрывается полная деловая импотенция ругающих, в народе просто и незамысловато называемая жопорукостью. Сделай лучше их – но не для того, чтобы похвастаться, какой ты хороший, а потому что ты просто по-другому не умеешь и на любой работе рвешь жилы будто в последний раз. Вот именно из-за таких убеждений меня и держали подальше от Кремля и поближе к оборонке. Но вот, поди ж ты, как все обернулось...

И вот теперь я понимаю Геракла, в задумчивости застывшего перед утопающими в дерьме авгиевыми конюшнями. Такое же чувство было и у меня после того, как мы проехали на поезде всю необъятную страну по диагонали – от Читинской губернии до Санкт-Петербурга. Вопиющая нищета, соседствующая с блеском показной роскоши, особенно неприглядна. В наше время, когда важные люди подобно мне летают из Москвы и Петербурга во Владивосток и Хабаровск самолетами, многое остается скрытым от их глаз в сизой дымке под крылом самолета, мчащего к пункту назначения на заоблачных высотах. Оттуда не видно ни пришедших в негодность аварийных домов, ни обветшавших районных больниц, ни людей, выживающих от одной нищенской зарплаты до другой и при малейших задержках вынужденных обращаться к ростовщикам, модно называемым микрофинансовыми организациями.

Здесь все гораздо страшнее, чем даже в нашем достославном девяносто девятом году, когда мы, тогда еще молодые и решительные, взялись разгрести завалы на излете правления Ельцина. Тогда он, безвольный и бессильный, полностью устранился от дел, позволив команде своего «преемника» латать и смазывать разваливающуюся на ходу государственную машину, лишь бы не услышать роковые слова «караул устал». Так что опыт ремонта государства «на ходу», без разрушения всего до основания, у меня, позволю себе заметить, есть. Но тут, в начале двадцатого века, работать будет гораздо тяжелее, чем тогда, сто лет тому спустя. В первую очередь, здесь нет осознания глубины унижительного падения государства с позиции

второй мировой сверхдержавы до статуса заштатного третьеразрядного государства, с мнением которого больше никто не считается, а также понимания опасности приближения к той роковой черте, за которой только русский бунт – бессмысленный и беспощадный. В местных властных и околовластных кругах господствует мнение, что все у нас хорошо, война выиграна, армия победоносна, флот могуч, а голодающие людишки по деревням как-нибудь перетерпят; а не перетерпят и помрут – так невелика беда...

Одним из сторонников такой точки зрения является наш новый соратник адмирал Дубасов. И ведь вроде умный человек, патриот и государственник: его активное содействие помогло нам в кратчайшие сроки и почти без крови победить заговор Владимировичей. Единственное, что помешало ему отшатнуться от нашей компании, было заявление Ольги, что отнимать и делить она не будет ни при каком раскладе. И это действительно так. Не наш это метод, тем более что ничего хорошего из этого не выйдет. Если разделить богатства тончайшего слоя нуворишей на сто сорок миллионов нищего населения, то получится меньше чем ничего. Мы поступим умнее. Вместо всеобщей дележки мы сделаем следующее. Во-первых, примем меры для обеспечения быстрого роста российской экономики, доходы от которой будут распределяться более справедливым образом. А во-вторых – проведем программу переселения нескольких миллионов крестьянских семей, перебросив излишки населения из Центральной губерний России на земли Сибири и Дальнего Востока, и упорядочим землепользование, что позволит решить проблему постоянных недородов – сиречь голода, который своей костлявой рукой регулярно вторгается в российскую действительность. Вот уж этот враг будет посерьезнее всех японцев вместе взятых...

Но было в этих объяснениях маленькое лукавство. И для создания промышленности, и для того, чтобы ее изделия стала покупать наиболее беднейшая масса, и даже на программу переселения нужны деньги... Часть из них необходимо вложить в качестве инвестиций в создание заводов и фабрик, а также в обучение персонала, ибо от неграмотных и необученных крестьян-лапотников, поставляемых на рынок труда нищей российской деревней, прок для производства отсутствует напрочь. Другую часть нужно дать потенциальным покупателям, восемьдесят процентов которых сейчас, как в каменном веке, живут натуральным хозяйством, поскольку деньги из деревни мощнейшим насосом вытягивают различные подати, в том числе и выкупные платежи. Нет платежеспособного спроса – а значит, и незачем строить в России заводы и фабрики для производства товаров народного потребления. Те небольшие количества изделий, что востребованы сравнительно узкими обеспеченными слоями населения, без всяких проблем можно ввозить и из-за границы, способствуя развитию французской, британской или германской промышленности. Деньги необходимы и для того, чтобы осуществлять переселенческую программу и ликвидацию безграмотности и создавать государственную систему медицинского обеспечения. Конечно, впоследствии все это принесет прямую и непосредственную отдачу, но где взять первоначальный капитал в стране, бюджет которой в значительной степени формируется за счет выкупных платежей и доходов от винной монополии...

Поэтому для того, чтобы совершить искомый прорыв, нам требовалось кого-нибудь ограбить... Грабить крестьян сейчас просто невозможно – по крайней мере, пока, так как они уже до костей ограблены до нас. Прежде чем этот ресурс снова станет доступным, мужика надо подкормить и дать ему время нагулять жирок. Грабить рабочих бессмысленно по той же самой причине. Там и без нас хозяева изгаляются по полной программе, и с этими изуверами тоже надо что-то делать. И, кроме того, с рабочих особо много не награбишь, а неприятностей можно огрести по самое не могу. Остается грабить тех, у кого есть деньги – то есть буржуазию и высшую аристократию; но делать это следует осторожно, потому что эти люди чувствуют тут себя властью и весьма болезненно отнесутся к изъятию части своего богатства.

Однако есть во всем этом один светлый момент. И аристократы, и местные бизнесмены не отличаются праведностью – и напропалую нарушают законы либо же напрямую запус-

кают лапу в государственный карман, а то и просто путают личную шерсть с государственной (подобно хитроумному красавчику Сандро, он же Великий князь Александр Михайлович). И вот, поскольку ни одному преступнику нельзя позволять пользоваться плодами его преступления, мы с императрицей придумали следующую комбинацию. В мягком варианте высокопоставленному гешефтмахеру будет указано, во что именно он должен вложить свои незаконно нажитые миллионы, а если этот тип не пожелает выполнить указания милостивой императрицы, то получит срок на каторге где-нибудь на Сахалине и банальную конфискацию имущества и всех денежных средств. Чтобы совершить прорыв и поднять с колен российскую экономику, нам необходимы точки роста – и таким путем мы сможем получить их, почти не залезая в государственный бюджет.

Первой нашей добычей стало имущество участников мятежа Владимировичей. Тут по указаниям императрицы военно-полевые суды штамповали приговоры один за другим, передавая конфискованное в Особый Инвестиционный фонд. Но, несмотря ни на что, денег в нем оказалось крайне недостаточно, ибо основное богатство мятежников-аристократов больше заключается в землях, дворцах и предметах роскоши, нежели в денежных средствах. Что-то требует для своего перевода в денежную форму дополнительного времени, а что-то и вовсе продать невозможно или просто нецелесообразно (как, например, картины из частных коллекций). К тому же некоторые бунтовщики за душой имели больше карточных долгов, чем наличного имущества, и на преступление пошли исключительно из желания поправить свое материальное положение.

Но были в России очень богатые люди, несомненно, сочувствовавшие мятежу и имевшие непосредственное отношение к его организаторам. Сами они с револьверами по улицам не бегали и солдатам команды не отдавали, но были так же виновны в случившемся, как и семейство Владимировичей с князем Васильчиковым. Я имею в виду так называемую группировку франкобанкиров, главой которой почти единогласно считался пресловутый Сергей Юльевич Витте, до последнего исполнявший должность председателя Кабинета Министров. Должность эта была абсолютно пустая, не наполненная никаким реальным содержанием, но неформальное влияние и на бывшего царя, и на окружающий его аристократический бомонд у Сергея Юльевича было велико. Одно только портило жизнь верховного гешефтмахера Российской Империи. Его супругу, крещеную еврейку Марию Ивановну Витте (по первому мужу Лисаневич, в девическом прошлом Матильду Исааковну Нурок), единственную из всех жен министров категорически не принимали ко двору. Еврейка, да еще и разведенка – фи, что за моветон... Впрочем, это никак не мешало Витте проводить нужную франкобанкарам политику. Одних его клан убеждал сладкими речами, других подкупал подарками, третьи были должны его «друзьям» крупные суммы. Короче, рыло у этого человека было в пуху по самые уши, но СИБ до поры до времени его не трогала, а только ходила вокруг да около, пытаясь распутать гадючий клубок связей, туго закрученный вокруг этого человека.

И вот, через два дня после воцарения Ольги, этот тип попытался нагло сбежать от нас за границу. То ли у него не выдержали нервы, то ли он просто понял, что в новой конструкции власти после краха мятежа остался не у дел – одним словом, Витте вместе с супругой уже сел бвыло поезд на Финляндском вокзале... Сумей он укатить в Великое княжество Финляндское – и выколупать его оттуда уже не было бы никакой возможности даже у всемогущей СИБ. Такая уж она – эта нынешняя финляндская автономия, в которой свои законы, своя полиция и свое представление о том, кто является преступником, а кто нет. Безусловно, существование такого псевдогосударственного образования, не подчиняющегося общеимперским законам, смертельно опасно для российского государства. Так что чуть позже, когда мы укрепим свои позиции на прочих фронтах, будет необходимо раз и навсегда ликвидировать финскую художественную самодеятельность... Ликвидировали же в свое время Царство Польское, превратив его в Привисленские губернии – и ничего страшного от этого не произошло.

В этом же ряду находится и убийство Финляндского генерал-губернатора Бобрикова финским националистом Эйгеном Шауманом, случившееся строго по расписанию два месяца назад. Поскольку убийца тут же покончил с собой, серьезного следствия по этому делу не производилось, а император Николай Второй, охваченный дембельским синдромом, как и в остальных делах, просто перекинул финский вопрос на свою тогда еще предполагаемую преемницу Ольгу, дежурно назначив князя Оболенского исполняющим должность финляндского генерал-губернатора... Управленец из князя откровенно никакой; занимать должность он, конечно, может, а вот исполнять соответствующие этой должности обязанности – уже нет. Ничего, мы подберем такую кандидатуру на эту должность – молодую, злую и правильно ориентированную – что финны, вспоминая доброго графа Бобрикова, еще взвоют у нас дурными голосами от осознания своей непоправимой глупости. По подвигу будет им и награда, по мощам и елей...

Впрочем, вернемся к господину Витте и его супруге. Наш неутомимый капитан Мартынов, как всегда, поспел вовремя. Он лично снял их с поезда на последней российской станции в Сестрорецке и водворил сладкую парочку в лучшие одиночные камеры Петропавловки. А нехрен бегать из-под следствия, когда наши охочие до истины товарищи еще не разобрались в подоплеке и закулисных механизмах событий. Не то чтобы Витте мне был очень нужен, но побеседовать с этим человеком, прежде чем его оформят на каторгу или виселицу, было бы не лишним. В нашем деле нельзя пренебрегать никакими источниками информации, даже если этот источник – потерпевший поражение враг. И если в Петропавловке Витте подробно допросили по поводу соучастия в финансировании заговорщиков и связей с французскими Ротшильдами, то меня больше интересовала чисто экономическая составляющая дел этого человека. Ну и еще хотелось спросить, как он дошел до жизни такой. Начал господин Витте как перспективный государственный деятель, пользующийся доверием Александра Третьего и Николая Второго, дипломат и гений логистики, способный распутать самый сложный транспортный узел, а закончил как проводник влияния международного банковского капитала и фактически один из могильщиков Российской империи, тип мелочный, нудный и чертовски самолюбивый...

Кстати, поскольку человек я чрезвычайно занятой, конвой доставил господина Витте прямо в мой кабинет в Зимнем Дворце. Признаюсь, было в этом деле немного показного триумфа – для того, чтобы сразу расставить по своим местам все точки и запятые. Мы, победители – в Зимнем дворце; он, побежденный – в Петропавловской крепости... И разговаривать тут больше не о чем-с. Точка.

**[тогда же и там же
Бывший председатель Кабинета Министров, бывший
действительный тайный советник, а ныне подозреваемый
в государственном преступлении Сергей Юльевич Витте.]**

Последние четыре месяца слились для меня в один сплошной кошмар. Повсюду, в том числе и в России, происходили непонятные и просто ужасные события, привычный и удобный мир рушился, а вместо него из небытия появлялось что-то странное и непонятное. Надо начать с того, что я был против всей этой Порт-Артурской авантюры нашего государя. Японцы уже считали этот порт своим, и в этот самый момент Россия предъявила на него свои требования и забрала честно завоеванное, как будто у нее было мало собственных территорий. Но поскольку этот вопрос был решен против моей воли и вопреки всем протестам, я решил присоединиться к тому, что нельзя победить, ибо противоречить монаршей воле себе дороже – и на карте Ляодунского полуострова вместе с военно-морской базой Порт-Артур и Южно-Маньчжурской железной дорогой появился город Дальний.

По моему первоначальному замыслу, порт Дальнего призван был служить воротами для ввоза в Российскую империю колониальных товаров из Французского Индокитая, Филиппин и Голландской Ост-Индии. Но ожидаемого мною наплыва грузовых пароходов, везущих к нам каучук, чай, кофе и пряности, не случилось... Вместо того меня теперь обвиняют в том, что мой порт, на строительство которого ушло тридцать миллионов золотых рублей¹, оказался полностью бесполезен для России, и на девять десятых его использовали именно японские пароходы. Кроме того, меня обвиняют не только в том, что я впустую истратил огромные государственные деньги, но и в том, что если бы наши дела в войне против Японии пошли неблагоприятным образом, Дальний был бы захвачен японской армией. В таком случае у врага образовалась бы прекрасная база с доками, мастерскими, причалами и складами, которая была бы пригодна ни для стоянки боевых кораблей, ни для разгрузки тяжелого вооружения. Ну совершенная же глупость – что я специально задумал этот порт таким образом, чтобы потрафить врагу....

Хотя, наедине с самим собой, должен признаться, что раз уж эта война началась, я предпочел бы, чтобы Россия ее не выиграла, а проиграла. Такой исход этой никому не нужной войны повлек бы за собой умаление почвеннических настроений в нашем российском обществе и скорейшее копирование удачных буржуазных европейских образцов государственного устройства. Не дворяне и помещики должны стать главным господствующим классом, а банкиры, промышленники и предприниматели. Ведь любому мало-мальски грамотному человеку понятно, что ход общественного прогресса нельзя ни остановить, ни замедлить, и наступление капитализма в России так же неизбежно, как приход лета после весны. А если дворянство хочет сохранить свои привилегированные позиции, то, кроме земледелия, ему следует заняться еще торговой и промышленной деятельностью.

И эти устремления – не только мои, но еще и большого количества моих единомышленников, владеющих более чем значительной долей российского и мирового богатства. Нам известно, что побежденная страна скорее копирует у соседей прогрессивное политическое устройство, чем победившая, в которой от осознания своего величия усиливаются охранительные силы, препятствующие всяческим реформам. Их лозунг – «держать и не пущать», их

---

¹ В эту же сумму обошлось строительство серии из пяти броненосцев типа «Бородино». И все эти деньги, которые Витте с легкостью фукинул на ветер, были извлечены из карманов нищих крестьян и рабочих, в том числе и за счет так называемой винной монополии.

методы – аресты и виселицы, их идеал – абсолютное самодержавие, феодализм, в котором они хотят произвести только косметические изменения, чтобы заменить кремниевые мушкеты и единороги на трехлинейки Мосина и трехдюймовые полевые пушки.

К тому же сила, которая ворвалась в наш мир в минуты боя под Порт-Артуром, с первой минуты оказалась враждебной всем моим устремлениям. В громе артиллерийских залпов и оглушительном грохоте взрывающихся самоходных мин она утверждала первенство хорошо отточенной стали над мягкой силой золота, и таким образом ставила крест на наших надеждах ускоренного капиталистического развития России. О каком смягчении нравов, каком парламентаризме и конституционной монархии можно говорить, если вместо осознания своей слабости Россия почувствовала свою силу и опьянение патриотическим угаром, что сделало невозможным любые положительные изменения.

Смерть государыни-императрицы Александры Федоровны я воспринял как шанс восстановить свое влияние на государя-императора Николая Александровича и повернуть все на круги своя... но этим надеждам не суждено было сбыться. Меня просто не допустили в Царское Село, где государь якобы предавался горестным размышлениям, скорбя по безвременно усопшей супруге. И в то же время, как мне прекрасно было известно, у него там гостили двое или трое представителей той самой силы, что нарушила мои планы и планы моих единомышленников, вмешавшись в войну между Россией и Японией. Мне даже удалось узнать их имена. Знающие люди говорили, что господин Иванов, госпожа Лисовая и господин Мартынов только притворяются обычными людьми, а на самом деле ведут себя с государем так, будто и вправду являются Господними Посланцами на нашей грешной земле. И если до сражения под Тюренченом у меня были надежды, что все образуется естественным, так сказать, путем, то после разгрома японской армии и перехода русских войск в наступление пришла ясность, что, к величайшему несчастью, руками Посланцев Россия почти неизбежно выигрывает эту дурацкую войну.

И в то же время до меня дошло, что находящийся в трауре по смерти супруги император Николай планирует оставить свой пост, передав бразды правления своему брату Михаилу. Для моих замыслов это была настоящая катастрофа. Михаил, непосредственно замешанный в победу под Тюренченом, став царем, поставил бы крест на наших надеждах и стремлениях. После долгих и осторожных переговоров с единомышленниками мы решили, что должны деньгами и своим политическим влиянием поддержать притязания на престол Российской империи со стороны великого князя Кирилла Владимировича. Слабый царь, подверженный пороку пьянства и безудержного распутства, наилучшим образом соответствовал нашим целям и задачам. Тогда мне казалось, что это удачный ход и что наше богатство и многолетний опыт политической интриги дают нам возможность на равных потягаться даже с Господними посланцами. В тот момент мне следовало бы обернуться по сторонам и понять, что даже Британия в отчаянии отступилась от этих людей (если, конечно, их можно назвать людьми). Но я был слеп, и потому ступил на тот путь, который позже и привел меня на Голгофу...

Наш заговор не удался. Главный из Посланцев, господин Одинцов, оказался более опытен в интригах, чем все мы вместе взятые, покушение на царя Николая было обезврежено, а преобразенцы, восставшие против тирании, потерпели поражение, поскольку враг был настолько жесток, что был готов расстреливать их из пушек. И самое главное. Преемником Николая оказался не Михаил, который так и остался наследником престола, а их с Николаем сестрица Ольга... Причем Михаил сразу после отречения Николая сам выкрикнул ее на трон и первый принес ей присягу. Это была катастрофа. Трезвомыслящие люди вроде меня были побеждены и гонимы, а вместо них торжествовали самые низкие и подлые патриотические силы. Аресты, аресты, аресты... СИБ хватала разбегающихся во все стороны оппозиционеров, как курица, склевывающая насекомых, и я начал беспокоиться о своей безопасности. Рано или

поздно недреманое государево око оборотится в мою сторону – и тогда злой конец для меня и всего моего семейства неизбежен.

Впрочем, у меня сложилось впечатление, что наши враги все прекрасно рассчитали – и мой побег обратился своей противоположностью. Вместо каюты первого класса на пароходе, следующем по маршруту Хельсинки-Стокгольм-Копенгаген-Нью-Йорк, мы с супругой очутились в одиночных камерах Петропавловской крепости. А оттуда, говорят, кричи-не кричи – уже не помогает... И вот после изнуряющих допросов в самой Петропавловке меня зачем-то доставили в Зимний дворец. Сначала я думал, что мою персону желает увидеть новая императрица, которая раскаялась в содеянном и хочет простить и отпустить верного слугу престола. Но, как оказалось, даже мне свойственно ошибаться. Вместо императорского кабинета меня привели к дверям, за которыми сидел господин Одинцов – главный из тех, кого я называл Господними Посланцами. Как только я в сопровождении стражников зашел в его кабинет, он поднял на меня свой леденящий ненавидящий взгляд – и у меня, даже несмотря на жаркий день, по коже прошел морозный озноб.

– Ну что же, господин Витте, – сказал он глухим голосом после того как отпустил стражу, – вот мы и встретились. Честное слово, напрасно вы впутались в заговор Владимировичей. Я-то думал, что вы окажетесь умнее и будете держаться в стороне от этого гадюшника – и в таком случае были бы возможны весьма благоприятные для вас варианты, ибо умные люди всегда нам нужны. Но раз вы сами выбрали свою судьбу, то извиняйте, если что не так. Теперь, если доктор сказал – в морг, то значит, идите в морг...

Сказать честно, эти слова прозвучали для меня как погребальный колокольный звон по еще живому, но уже отпетому покойнику. Но страшно мне было не за себя. Я свое отбоился еще с той поры, как мне предъявили обвинение в совершении государственного преступления. Страшно было за страну, которая в таком случае попадала в руки жесточайшей реакции. Да уж, лучше бы власть и в самом деле досталась адмиралу Дубасову – человеку честному, но, безусловно, недалекому, а не этому монстру и гению интриги, который рассматривает меня сейчас так, как ученый-энтомолог через лупу взирает на какого-нибудь редкостного ядовитого жука. Я всю жизнь потратил на то, чтобы, поднимаясь со ступеньки на ступеньку, достигнуть высшего поста в Империи и, находясь подле трона, подавать государю советы, способствующие смягчению нравов и укреплению в России капитализма. Правда, достиг я только должности министра финансов, на которой сумел воплотить немало своих идей, но однажды моя персона надоела государю-императору – и он сместил меня на должность председателя Кабинета Министров, которая ровным счетом ничего не значила, потому что Империей Николай Романов предпочитал руководить собственноручно.

Зато сидящий сейчас передо мной человек, появившись из небытия, одним великанским шагом вознесся до поста Канцлера Империи – то есть должности первого класса согласно «Табели о рангах»; сам я о таком не смел и мечтать. Таковых канцлеров в Российской империи не бывало уже больше двадцати лет – с того момента, когда во времена моей молодости подал в отставку и вскоре помер Александр Михайлович Горчаков. Ведь канцлер – это не просто высшая должность в Петровской «Табели о рангах», но еще и лицо, к которому монарх испытывает высочайшее доверие, почти как к самому себе. И это доверие правящей монархини господин Одинцов будет использовать, чтобы разрушить все, что я создавал годами непосильных трудов. Несомненно, слабая и неопытная девушка наивно доверилась этому чудовищу, которое теперь вьет из нее веревки. И даже жених императрицы, наш будущий князь-консорт, происходит из той же породы – волевой, жестокой, не терпящей компромиссов. Спасенья для бедной Ольги нет; наверняка ее принудили силой или обаяли при помощи модного сейчас магнетизма... Наверняка этот Одинцов сильный магнетизер: когда он на меня смотрит, у меня волосы на голове шевелиться начинают. Неужели теперь повторится история с декабристами, и

отчаянное выступление молодых офицеров-преображенцев станет прологом для наступления жесточайшей реакции, а передо мной сидит новый Аракчеев?

Ошарашенный столь горестной переменой в своей судьбе, низвергшей меня с высот власти до положения живого мертвеца, я так и не решил, что ответить на слова главы посланцев... Но вдруг позади меня почти бесшумно распахнулась дверь и раздалось цоканье каблучков.

– Павел Павлович, – услышал я звонкий голос Ольги Александровны, прежде Великой княгини, а нынче императрицы, – вы знаете, а ведь мне тоже хотелось бы выслушать объяснения господина Витте. Мой отец и брат пригрели эту гадину у себя на груди, и я желала бы знать, как этот человек мог отплатить им такой черной неблагодарностью и принять участие в антигосударственном заговоре. Кроме того, у меня есть вопросы и относительно его деятельности на посту министра финансов, поскольку не все его решения приносили пользу Российской империи, а некоторые так прямо шли ей во вред...

Обернувшись, я увидел государыню-императрицу. Несомненно, это была действительно Ольга Александровна, но Боже, какой у нее был вид! Она была облачена в узкое черное платье, стягивающее фигуру до самого горла, и дополняли этот наряд такие же перчатки, шляпка и вуаль. Говорят, что императрица носит траур по всем невинно убиенным за время подавления мятежа, не деля их на сторонников, противников и праздношатающуюся публику. Все они, мол, российские подданные – и поэтому императрица скорбит обо всех. Одни погибли, исполняя свой верноподданнический долг. Другие достойны сожаления за свои заблуждения, за которые им пришлось заплатить жизнью. Третьи стали невинными жертвами сложившихся обстоятельств. Но это платье, создающее впечатление торжественной простоты, только подчеркивало прямолинейность осанки, уверенный поворот головы и мрачно-суровое выражение лица. Куда делась та дурнушка, которая ни ступить, ни молвить не умела? Сейчас с императрицы смело можно было ваять статую разъяренной Немезиды... Чуть позади и левее императрицы стояла еще одна незнакомая мне молодая женщина, одетая в такое же платье и с таким же суровым выражением лица. Скорее всего, это была статс-дама и одновременно сердечная подруга новой императрицы, ибо она была немного старше Ольги и держалась с воистину независимым достоинством (что невозможно для простых смертных в присутствии царственных особ).

Какой там магнетизм-сомнамбулизм; сейчас мне видно, что мои надежды развеять морок, окутавший молодую императрицу, были напрасны. Она совершенно осознанно действует заодно с этим Одинцовым, считая меня одним из главных виновников бедственного положения Российской империи в экономике, а также тех трудностей², что постигли нашу армию и флот в начале этой злосчастной японской войны. Господи, прости меня и помилуй! Такая фурия не только на каторгу меня закатает, как грозился господин Мартынов, но и придумает такую ужасную казнь, которая заставит желать смерти будто избавления...

– Помилуй, государыня-императрица! – хлопнулся я на колени, – не виноват я, это само все так получилось...

– И не подумаю миловать! – жестко ответила мне императрица, глядя сверху вниз злобно прищуренными глазами. – Умел грешить, пес смердящий, умей и ответ держать! Никакой милости к тебе у меня нет и быть не может! Наше монаршее прощение, милейший Сергей Юльевич, тебе еще требуется заслужить самым усердным трудом на благо Отечества.

– Заслужить?! – с удивлением и надеждой в голосе переспросил я. – Но как я могу это сделать, государыня-матушка, если за прошлые дела меня грозятся то ли закатать на каторгу

---

² Действительно, в бытность министром финансов Витте был изобретателем так называемого вооруженного резерва, то есть того состояния, при котором команды боевых кораблей изнывают от безделья в базах, потому что содержащиеся флота финансируются по остаточному принципу, без закупок угля на тренировочные плавания и снарядов для учебных стрельб. Боеспособность эскадр при этом падает очень значительно и подвернувшись внезапному нападению Русский флот оказался явно в невыгодном положении по отношению к флоту Японской империи.

лет на двадцать, то ли вовсе отправить на виселицу как опасного государственного преступника?!

– Да уж всяко не катая тачку на Сахалине, – с иронией ответила мне чуть смягчившаяся императрица, – в самые кратчайшие сроки нам предстоит исправить то, что было тобою наворочено в бытность министром финансов, и твоя помощь тут будет нелишней. Сделаешь все хорошо – получишь мое прощение, а если ничего полезного из тебя не получится, то пеняй на себя, тогда уж точно без каторги не обойтись.

– Это называется «шарашка», – пояснил Одинцов, – тихая благоустроенная камера с толстыми стенами в Петропавловке, обеды из ресторана, умные и исполнительные помощники, схватывающие на лету каждое слово, а также вежливая охрана. И все! А самое главное – вместе с тобой будет содержаться госпожа Витте, которая хоть в заговоре и не участвовала, но за льстивое (то есть притворное) крещение вполне может получить восемь лет каторжных работ.

– Хорошо, – сказал я, поднимаясь на ноги, – я признаю, что согрешил, поддержав притязания Кирилла Владимировича на царский престол, но я не понимаю, какие мои действия в бытность мою министром финансов Российской империи могли вызвать ваши нарекания?

– Грешит муж, гуляя к любовнице от своей благоверной, – хмыкнула Ольга, – а поддержавший заговор против законной власти совершает государственное преступление, за которое нет и не может быть прощения. Остальное тебе пояснит господин канцлер...

– Во-первых, – строго сказал Одинцов, – тяжелейшие последствия для российских финансов имело введение вами так называемого золотого стандарта. Я уж молчу по поводу того, что после совершения этого весьма неумного шага государственный долг Империи разом увеличился в полтора раза. По сравнению с другими последствиями это просто мелочь. Так как добыча золота в Империи совершенно недостаточна для поддержания денежного оборота в звонкой монете, Россия вынуждена постоянно брать у Ротшильдсов обеспечивающие кредиты в золоте. Поступив в оборот, эти деньги совершают один почетный круг по Империи и снова утекают за рубеж, ибо большая часть товаров, потребляемых обеспеченными слоями населения, импортируется именно оттуда. Этот перекосяк в денежном обороте достиг таких масштабов, что Российская Империя стала испытывать дефицит наличных денежных средств, то ведет к задержкам разного рода выплат и еще больше усугубляет поразивший страну экономический кризис. Тут можно сделать двоякий вывод. Если вы, вводя такую систему, не предусмотрели и не просчитали всех ее последствий, то тогда вы, Сергей Юльевич, банальный дурак; а если вы все предвидели, но пошли на это из соображений, далеких от государственных интересов и исполнения ваших непосредственных обязанностей, то вы подлец и предатель.

– Золотой стандарт, господин Одинцов, – поднял я вверх палец, – был введен мною исключительно из соображения ускоренного развития в России капиталистических отношений...

– Министр финансов империи, – строго сказала императрица, – должен был заботиться исключительно о благополучии этих самых финансов, а не о каких-то там капиталистических отношениях, потому что это еще бабушка надвое сказала – нужны нам эти отношения или нет. То, что вы сделали, пошло на пользу кому угодно, но только не русским людям и российской казне – а это преступление куда более серьезное, чем участие в каком-то там заговоре.

– Именно так, ваше императорское величество, – подтвердил Одинцов, – интересы службы должны быть у чиновника впереди всего, а иначе получается не служба, а сплошная измена и подрыв государственных основ.

– Одним словом, господин Витте, – завершила разговор императрица, – сумеете исправить то, что наворотили – награды не обещаю, но старые грехи забуду. А сейчас ступайте. Мне с господином канцлером по другим делам перемолвиться надобно. Эй, охрана! – кликнула она, – верните господина Витте в Петропавловку и передайте своему начальству, что я велела

пускать к нему для лекций по экономике госпожу Лисовую, а то мне некогда объяснять этому человеку во всех подробностях, что именно он натворил и как это требуется исправить...

Вот так закончился мой краткий визит к господину Одинцову, который, как я понимаю, был затеян только ради того, чтобы победители могли насладиться триумфом над побежденными. А еще я увидел нашу новую императрицу и получил от этого незабываемые впечатления. С такими замашками никакой либерализации, смягчения нравов или парламентаризма ждать не следует, напротив, в ближайшее время в России последует еще одно закручивание гаек и усиление монархического гнета.

[пять минут спустя, там же Канцлер Империи Павел Павлович Одинцов.]

Едва Витте вывели за дверь, Ольга, кивнув мне, уселась в кресло, которое стояло у стены для особо важных посетителей, а Дарья, послав мне одну из своих чарующих улыбок, заняла свое место за плечом подружки-повелительницы. Подготовка «девяткой» фрейлин-телохранительниц для юной императрицы была в самом начале (подходящих девушек еще только набирали), и поэтому Дарье пока приходилось отдуваться одной, сопровождая Ольгу везде и всюду в те моменты, когда эту обязанность не мог взять на себя ее жених полковник Новиков.

– Вот так, Павел Павлович, – сказала моя порфирородная³ ученица, легкомысленно обмахиваясь веером, – повесить этого слизняка любой дурак сможет, а вот заставить его исправить содеянное будет гораздо сложнее...

В ответ я пожал плечами и сказал:

– Честно говоря, сомневаюсь, что из этой затеи выйдет что-нибудь умное. Господин Витте на протяжении всей своей карьеры ни разу не работал на производстве, только на железной дороге и по финансовой части. Ему и прежде, в молодые годы, было все равно, что он возит и где эти грузы произведены, а уж после – и подавно. Компраторская буржуазия, представителем которой является этот человек, предпочитает экспортировать в развитые страны необработанное сырье, а взамен ввозить из-за границы готовые товары, вместо того чтобы возиться с налаживанием их производства в России. И бесполезно говорить им о крайней нужде, постигшей российский народ, и слабости нашей промышленной базы. Они подобной ерундой не занимаются. Видал я таких, как этот Витте, во всех видах видал; и на что они способны, когда их образу жизни грозит опасность, я тоже знаю. Сопротивляться тому, что мы запланировали сделать для России, они будут бешено. И этот Витте один из них. Уж он нам наработает, поверь мне... Мой прежний, гм, шеф, тоже хотел заставить таких, как Витте, работать на благо России – и получалось это откровенно плохо, а в некоторых случаях и вообще не получалось. Над каждым министром надсмотрщика с наганом не поставишь, да и неприлично это.

– Павел Павлович, – удивилась Ольга, – так почему вы тогда не сообщили мне об этом сразу, а говорите только сейчас?

– А потому, – ответил я, – что никто из посторонних не должен видеть наших разногласий. Наедине или в кругу доверенных, которые никому ничего не скажут, мы можем спорить, соглашаться или не соглашаться друг с другом, и даже ругаться; но в остальных случаях мы должны демонстрировать единодушие. Пусть даже этим посторонним окажется такое редкостное ничтожество, как Витте. Пусть он думает, что мы специально разыграли перед ним эту сцену. Понятно, твое Императорское Величество?

– Понятно, Павел Павлович, – с серьезным видом кивнула Ольга, – на будущее я учту, что если у меня появилась какая-нибудь гениальная мысль, ее сначала требуется обговорить среди своих, и только потом высказывать на людях.

– Совершенно верно, – подтвердил я, никаких импульсивных экспромтов в нашем государственном деле быть не должно. Какой бы сладкий пирожок тебе ни предложили, всегда бери время на обдумывание – а вдруг там отравы. Наши с тобой противники горазды на подобные штучки; да и мы не лыком шиты. А с Витте мы что-нибудь придумаем, ведь работать он будет под контролем СИБ, а там капитан Мартынов найдет способ, как при помощи этой работы до конца и без остатка вскрыть его деловые и политические связи с российским и зарубежным

---

³ порфирородная – то есть родившаяся у уже царствующего монарха, после его вступления на престол. В семье Александра III Ольга Александровна была единственным ребенком, родившимся после того как ее отец занял трон.

капиталом. Наихудшим вариантом сейчас как раз-таки было бы отправить Витте на виселицу, а дело в архив – и забыть об этом. Нет, все еще только начинается.

– Хорошо, учитель, как скажешь, – Ольга потупила глаза в стол, – я к тебе вот зачем пришла. Тут ко мне на аудиенцию рвется французский посол месье Бомпар, а я даже не знаю, о чем с ним говорить.

– Вопрос франко-русских отношений, – сказал я, – штука очень запутанная и не может рассматриваться в отрыве от англо-французских связей и франко-германского конфликта из-за Эльзаса, а на самом деле из-за вопроса доминирования в континентальной Европе. В самом начале русско-японской войны, еще до нашего пришествия, французы очень подло кинули Российскую империю, отказав ей в союзнической поддержке, и теперь месье Бомпар боится последствий такого решения. Точнее, французское правительство боится того, что твое императорское величество политически отдавится от Ла Белле Франсе или вообще разорвет русско-французский союз, который в связи с враждебными действиями Франции к настоящему времени стал для России чистой обузой. Ведь речь в таком случае пойдет не просто об отсутствии возможности отвоевания у Германской империи Эльзаса и Лотарингии, но и о самом существовании Франции, которая может не пережить еще одного визита в Париж германских гренадер.

– Погоди, Павел Павлович, – сказала Ольга, потирая лоб, – я тут чего-то не понимаю. А кто вообще сказал французам, что русские солдаты будут воевать с германцами за Эльзас и Лотарингию, ведь подписанный между Россией и Францией договор носит чисто оборонительное свойство?

– А вот тут, – сказал я, – надо посмотреть на вторую часть головоломки. Денежная система золотого стандарта имени господина Витте, установившаяся в России с тысяча восемьсот девяносто седьмого года, для своего наполнения требовала огромного количества золота. Собственной золотодобычи на обеспечение оборота покрытой золотом валюты в России категорически не хватает. По этой причине она вынуждена постоянно брать стабилизационные кредиты в звонкой монете. Даже деньги, выпущенные для покрытия потребностей внутреннего оборота, должны иметь стопроцентное золотое обеспечение. То есть по факту они должны обеспечиваться дважды: один раз выпущенными в России товарами, другой раз золотом, взятым займы у французских банкиров. Так, например, с начала обращения количество золота в обороте увеличилось в двадцать раз, а количество бумажных денег сократилось вдвое; но, несмотря на столь значительный рост золотых денег, они составляют лишь пятую часть всей денежной массы, которая также сжалась почти в два раза и сейчас вся вместе – и золотая монета, и обеспеченные золотом кредитные билеты – составляет сумму в десять рублей на одного вашего подданного. А если учесть, что у кого-то этих рублей на сумму с шестью нулями, то на долю двух третей населения приходится меньше чем по рублю на человека. Эта же ситуация делает невозможным сколь-нибудь серьезный экономический рост, основанный на платежеспособном спросе. Ведь мало выпустить дополнительный объем товаров для удовлетворения потребностей населения, этот дополнительный товар должен быть обеспечен вброшенной в оборот денежной массой, которая в свою очередь должна быть покрыта золотом. В противном случае вместо экономического роста мы будем иметь только кризис перепроизводства и разорение производителей.

– Ну и что из этого следует? – нетерпеливо спросила Ольга. – Я пока не понимаю, как золотой рубль может влиять на наши отношения с Францией и ее предполагаемую войну с Германией за возвращение Эльзаса и Лотарингии...

– Все очень просто, Ольга, – сказал я, – по схеме милейшего господина Витте – чем больше будет расти российская экономика, тем больше обеспечительных кредитов в звонкой монете мы должны будем брать у французских банкиров. Именно французские Ротшильды готовы давать нам в долг эти деньги под союзный договор. И вернуть эти кредиты мы не смо-

жем, поскольку полученное по ним золото либо непосредственно вовлечено в оборот в виде монет, либо служит обеспечением бумажных кредитных билетов. Кроме того, имеется такое явление, как отток капитала, во-первых – за счет импорта европейских товаров, во-вторых – за счет репатриации прибыли зарубежными владельцами российских предприятий. Да-да, экономический рост за счет иностранных инвестиций имеет оборотную сторону в виде последующего вывоза заработанных денег на родину инвестора. Да и стабилизационные кредиты у Ротшильдов тоже не беспроцентные, по ним также надо платить. И вот в недалеком будущем наступит момент, когда окажется, что Россия не в состоянии обслуживать взятую на себя долговую нагрузку. И тогда нам придется расплачиваться чем-то большим, чем банальный желтый металл... Как несостоятельным должникам, на придется платить политическими уступками, льготным таможенным режимом для французских товаров (что убьет зачатки нашей собственной промышленности), а еще кровью русских солдат, пролитой на совсем ненужной для России войне. А потом, черт его знает – может, и тем, на что французы с англичанами разводили милейшего главноуговаривающего господина Керенского – то есть разделом России на зоны влияния: юг – французам, север – англичанам, Дальний Восток и Сибирь – американцам и японцам. Возможно, сам Витте и не заглядывал так далеко, но его европейские партнеры наверняка просчитывают и столь отдаленные перспективы, а иначе бы они не дали России такого количества в принципе невозвратных кредитов.

После того как я замолчал, ошарашенная Ольга еще пару минут сидела молча, переваживая полученную информацию, потом громко и с расстановкой выговорила несколько матерных фраз, в превосходных степенях характеризующих как личность господина Витте, так и его морально-деловые качества. При этом она использовала обценную лексику сразу двух эпох, из-за чего Дарья пустила в кулак смешок, а я покраснел самым неприкрытым образом.

Впрочем, выругавшись, императрица, как ни в чем не бывало, тряхнула головой и сказала, что, мол, между своими можно. Зато теперь, высказав то, что накопело на душе, она вполне может обсуждать ситуацию в деловом ключе. И тут есть два вопроса. Во-первых – как исправлять ситуацию с золотым стандартом? Во-вторых – что говорить французскому послу?

– Главное, – сказал я, – никакой паники и резких движений. По первому вопросу нам необходим такой министр финансов, который, особо это не афишируя, доведет денежную массу до такого объема, что золото будет обеспечивать только внешнеторговый оборот, а деньги, необходимые для внутренней торговли, будут обеспечены товарами, выпускаемыми в России для внутреннего употребления. Если два мужика на рынке меняют воз картошки на откормленного хряка, то парижским банкирам до этой бартерной торговой операции нет никакого дела. Так почему они должны иметь какой-то интерес с того, когда эти же мужики за свои российские рубли покупают жатку или сеялку, произведенные на российском заводе, российскими рабочими из российского металла? Или, например, российского ситца женам на платья, детишкам на рубашки. Только в этом вопросе важно не перебрать и сгоряча, покрывая государственные нужды, не выпустить денег больше чем надо, потому что тогда вместо сжатия денежной массы и кризиса неплатежей начнется галопирующая инфляция, что тоже скверно. Также в соответствии с интересами российской экономики необходимо отрегулировать импортные и экспортные таможенные тарифы. Например, на ввоз машин и оборудования, не производящихся в Российской Империи, тариф стоит обнулить, а на товары, конкурирующие с продукцией российских предприятий, напротив, поднять до запретительного. То же и с экспортом. То, чего у нас излишек, можно разрешать вывозить по фискальному тарифу, а на то, чего самим не хватает, пошлину поднять так, чтобы никто и ничего вывезти не смог. Одним словом, нужен человек, который четко понимает, сколько вешать в граммах и какой объем эмиссии и тарифы мы сможем себе позволить в каждый конкретный момент времени. Кстати, в наши времена этот прием вброса в экономику дополнительных денег с целью оживления деловой активности очень распространен и называется «количественное смягчение». Вопрос

только в грамотном распределении вброшенных сумм, а иначе они быстро осядут в банковских хранилищах и снова выпадут из оборота. Тот же самый рецепт я хочу предложить и в разговоре с французским послом. Никаких резких движений и угроз разорвать союзный договор. Эту возможность мы должны иметь в виду, да и только. Следует попенять месье Бомпару на недружественные шаги его правительства в отношении Российской империи, в том числе и на их шапши с англичанами, и попросить, убедительных разъяснений столь недружественной политики. Сейчас мы французам нужны больше, чем они нам. Пусть побегают. А не то мы спустим с цепи злого добермана Вильгельма, и он их покусает. Быть может, даже насмерть.

– Очень хорошо, Павел Павлович, – сказала Ольга, вставая с кресла, – так и поступим. Министра финансов вы приищите сами, или будем обращаться к мерзавцу Витте?

– Думаю, – ответил я, – что надо обратиться к Менделееву. Нам нужен человек с математическим образованием, способный точно рассчитать необходимый объем денежной массы. И в то же время он должен быть далек от политики, а также не подвержен влиянию сильных мира сего. Этот человек должен исполнять только нашу с вами программу, и больше ничью. Вот тогда у нас есть шанс сделать все, что необходимо, да еще и в самые сжатые сроки.

– Отлично, – сказала Ольга, – думаю, что лучше всего пригласить Дмитрия Ивановича на чай, и в неформальной, как у вас говорят, обстановке обговорить с ним все вопросы. Надеюсь, вы тоже не откажетесь присутствовать. И на встречу с французским послом мы также пойдем вместе. Ваша помощь мне будет нелишней. Вы будете говорить, а я поддержу вас своим официальным видом. А сейчас извините, мне надо идти. Меня ждет Александр Владимирович, который наконец-то смог найти немного времени, чтобы уделить его своей несчастной невесте.

[2 (15) августа 1904 года, полдень. Санкт-Петербург, Зимний дворец, Готическая библиотека Посол Третьей Республики (Франции) в Российской Империи мсье Луи Морис Бомпар.]

Я долго добивался аудиенции у старого царя Николая, а затем и у новой императрицы Ольги, и все никак не мог добиться, так что уже пришел в отчаяние. События в мире грохотали ревущим горным потоком, меняющим мировой политической ландшафт; с набережной Ка де Орсе министр иностранных дел Теофиль Делькассе бомбардировал меня телеграммами, требующими неотложного решения важнейших вопросов, а русский царь был недоступен в своем Царском селе, как Диоген, спрятавшийся в бочку⁴. Причиной такой добровольной самоизоляции называли траурные настроения, охватившие русского монарха после смерти супруги. Хотя я подозреваю, что дело в обиде Николая на действия нашего правительства, ради примирения с Великобританией отказавшегося поддержать Россию в ее войне с Японией. Прямо мне этого не говорили, но я же видел, что с того дня как было заявлено, что наш союзный договор распространяется только на Европу, отношение в местном обществе к Третьей Республике стали более прохладными.

И продолжался этот императорский траур почти четыре месяца, пока в начале августа не случился неожиданный государственный переворот и на трон при поддержке военных моряков не взошла младшая сестра предыдущего царя принцесса Ольга. Дела там крутились такие запутанные, кто против кого строил козни, что, как говорят русские, без полштофа⁵ не разобраться. А это значит, что нормальному европейцу этого никогда не понять, потому что после такого количества русской водки любой из нас упадет без сознания и будет видеть пьяные сны, в то время как русские только-только начинают по-настоящему входить во вкус своей обычной безудержной пьянки. Впрочем, старого царя Николая, вопреки тому, как это обычно водится у дикарей, не убили, а оставили жить с семьей частной жизнью. Правда, сразу после мятежа русская секретная служба арестовала множество дружественных Франции сановников (в том числе и бывшего министра финансов Витте), и это не могло не вызвать у меня тревоги. Впрочем, новая императрица поначалу тоже была недоступна (наверное, устраивалась на новом месте), а потом, так же неожиданно, как случился переворот, меня пригласили в Зимний дворец на аудиенцию, хотя я уже перестал на нее напрашиваться.

Приглашение пришло заблаговременно, так что у меня было чуть больше суток. И вот я уже в Зимнем дворце, на том самом месте, где русская императрица назначила мне аудиенцию. Интересное дело – это оказалась Готическая библиотека, скопление редких книг, обитель тишины и покоя. Не лучшее место для дипломатического приема, но я подумал, что буду стараться выполнить порученное мне задание и любой ценой удержать русско-французский договор от распада.

И снова меня ждали неожиданности. Во-первых – императрица пришла не одна, а со своим государственным канцлером мсье Одинцовым. Этот самый Одинцов, глава пришельцев из иных времен, держался с императрицей независимо и в то же время уважительно. Во-вторых – не дав мне раскрыть рта, мадамгвель Ольга предъявила Франции претензии – по поводу, как

---

⁴ Конечно же, ни в какой бочке Диоген не жил. Греки просто не умели работать с деревом и металлом, чтобы получить обычную в нашем понимании клепаную бочку. Вместо бочек для хранения зерна, масла, вина, и даже соленой рыбы у них имелись огромные керамические сосуды, именуемые пифосами, в некоторых из которых свободно мог поместиться человек...

⁵ полштоф – архаическая мера емкости спиртных напитков, примерно соответствующая современной бутылке в 0,7 литра. Что русскому нормально, то немцу, французу, англичанину (нужное подчеркнуть) – смерть. Но только не норвежцу – эти своего «аквавита» выжрут и большие.

она выразилась, нашего закулисного марьяжа с британцами; а отказ в помощи России в войне с Японской империей возмутил ее до глубины души. По крайней мере, она так сказала. И хоть тон ее речи был не очень свиреп и его можно было счесть дружеской выволочкой, но все же последствия, какие ждали ля Бель Франс в случае неблагоприятного исхода событий, могли быть тяжелыми. Эту юную девушку, туго затянутую в черное траурное платье, можно было счесть воплощенной во плоти богиней судьбы, которая грозила обрезать жизненную нить Французской Республики.

– Милейший месье Бомпар, – говорила она, – после всего, что произошло, после отказа французского государства поддержать подвергшуюся вероломному нападению Российскую империю, после ваших тайных переговоров с враждебным нам британским правительством мы более не можем рассчитывать на французскую дружбу, ибо опасаемся еще одного предательства. Мое величество находится в сомнении, стоит ли русским солдатам вступаться за такого союзника, который и сам по-настоящему не ценит этот союз. Вы сейчас можете уверять нас в своей верности союзным обязательствам и в добром отношении к русскому народу, а завтра в вашей Франции пройдут выборы, сменится правительство, и на вашем месте и месте вашего министра окажутся совсем другие люди. И эти люди будут отрицать ваши слова. Мы уже знаем, что они скажут: что этот договор Франции не выгоден и что Россия должна сделать Франции дополнительные политические уступки, чтобы иметь честь защищать колыбель европейской цивилизации от диких, но технизированных германских варваров... Скажите, зачем нам нужна такая головная боль, за которую нас же подвергают упрекам и бомбардируют требованиями изменить наше законодательство?

Такая перспектива, честно сказать, приводила меня в ужас. В молодые годы я пережил одну франко-прусскую войну, после которой наша семья была вынуждена уехать из родного Меца, – и воочию представил повторение того кошмара, тем более что сейчас соотношение сил изменилось и стало еще более неблагоприятным для французской республики. Проклятые боши размножаются как кролики, и такими же темпами растет их промышленность, поэтому без открытия второго фронта на восточных рубежах Германской империи французская армия не продержится и двух недель. Второго Седана милая Франция не перенесет.

В этот момент канцлер Одинцов, до того молча с мрачным видом стоявший возле императрицы, сказал своей государыне несколько слов на русском языке, которого я, к сожалению, не знаю.

– И вот еще что, месье Бомпар, – немного помолчав, добавила императрица. – Сложилась такая ситуация, что для исполнения своих союзных обязательств наше правительство вынуждено брать во Франции кредиты, чтобы на эти деньги строить железные дороги, избыточные для обычных хозяйственных потребностей Российской империи... Эти дороги, рельсы на которых в мирное время от безделья покрывают ржой, необходимы только для того, чтобы в решающий момент протолкнуть к нашей западной границе большие массы русских войск, которые должны будут спасти Париж от нашествия германских гренадер. Получается, что, исполняя союзный договор с Французской Республикой, мы еще оказываемся должны ей изрядные деньги, и мзду за эти долги с нас могут потребовать сторицей. Например, ваше правительство может пожелать дополнительных политических уступок с нашей стороны, смягчения ввозных тарифов по отношению к французским товарам, или, наоборот, ужесточения позиции по отношению к германскому капиталу, который кое-где у нас пока еще присутствует... Мой рыцарственный брат мог не замечать таких низменных мелочей, но у меня, женщины приземленной и практичной, крайне негативное отношение к подобным финансовым выкрутасам. Хотите нужных вам железных дорог – тогда платите за них сами, а то у меня государство небогатое и после прошедшей войны мы и сами едва сводим концы с концами. А если не хотите платить, то и нам такой договор без особой надобности.

Я попробовал было возразить и сказать, что и в русских интересах не дать германцам хозяйничать в Европе как у себя дома, и вообще, что умные люди всегда могут договориться ко взаимному удовольствию...

– За удовольствиями, – отрезала императрица, – это вам не ко мне, а в «Веселый дом». Я же понимаю только то, что выгодно или невыгодно вверенному мне Господом российскому государству. Несмотря на то, что отчасти вы правы и Германскую Империю тоже надо сдерживать, есть мнение, что слишком тесная дружба с Францией дороговато нам обходится, в силу чего необходимо понизить градус нашего союза. Внезапного нашествия германских гренадер на Париж не будет – и это все, что мы можем обещать Французской Республике. В остальном Российская империя считает свои руки развязанными, а если вы попытаете довести до реализации запланированное вашим правительством «сердечное» соглашение с Британией, то вы лишитесь и этих последних остатков защиты. Идите и передайте это вашему правительству. А еще скажите, что благодаря их неуклюжим маневрам дружбу России им теперь придется завоевывать заново. А я вам не маман, ушибленная датско-прусской войной: на голые антигерманские лозунги не поддамся, мне нужны аргументы повесомее...

И вот на этой оптимистической ноте я был отпущен из Зимнего дворца восвояси. Голова моя гудела и мысли в ней металась испуганными птицами. Если русская императрица осуществит все свои угрозы, то нас, французов, ждет просто ужасное будущее. При этом у меня сложилось впечатление, что, хоть канцлер Одинцов не промолвил за все время и нескольких слов, эта встреча была срежиссирована им заранее, а императрица Ольга только исполнила свою арию как хорошая оперная прима. Мне кажется, что на самом деле именно этот опасный человек ведет Россию по новому курсу, и если мы не найдем с ним общий язык и не заключим соглашение, то это грозит нашей милой Франции очередной военной катастрофой...

**[2 августа 1904 года, 17:05. Санкт-Петербург.
Зимний дворец. Малахитовая гостиная
Профессор Санкт-Петербургского
университета Дмитрий Иванович Менделеев.]**

Приглашение на чай в Зимний дворец не то что было особо невероятным, но тем не менее удивляло. Прежде Дмитрий Иванович был обычно вхож только во дворец Великого князя Александра Михайловича на Миллионной, где хозяйкой являлась меценатствующая старшая сестра нынешней императрицы Великая княгиня Ксения. Что касается Ольги, то прежде она не проявляла интереса к науке и ученым. Тихая некрасивая девочка, неудачно пытавшаяся устроить свою личную жизнь и оттого сильно страдавшая. Чтобы забыться, она уехала вместе с братом и мужем сестры на японскую войну, и там каким-то образом оборотилась в свою полную противоположность.

Благодаря вхожести во дворец на Миллионной Дмитрий Иванович в общих чертах из первых рук (то есть из писем и телеграмм Великого князя Александра Михайловича) был осведомлен о ходе той войны. Но он и представить себе не мог, что однажды настанет день, когда скромная девочка Ольга примет корону из рук своего уставшего и разочаровавшегося брата и взойдет на престол Российской империи, на котором в последний раз лица женского пола сидели более века назад.

Опять же, будучи вхож в дом на Миллионной, Дмитрий Иванович свел знакомство и со своими коллегами из будущего: господином Тимохиным и господином Шкловским. Да, далеко шагнула наука за сотню лет, и как сказал господин Тимохин, его любимая «молекулярная механика» в начале двадцать первого века передала свои полномочия совсем другим дисциплинам и имеет лишь историческое значение. Одно лишь знание о строении ядра атома, о протонах, нейтронах и вращающихся вокруг ядра электронах, в том числе и о том, что у некоторых элементов ядра делятся, а у других сливаются, стоило того, чтобы снова и снова приходиться в дом на Миллионной.

Познакомился Дмитрий Иванович и с госпожой Лисовой, в Санкт-Петербургских и вообще российских деловых кругах уже заработавшей себе прозвище Рыжая Акула. Хотя она давно уже не рыжая, а пепельно-русовая, прозвище прилипло так, что не отдерешь. От смертельной деловой хватки этой моложавой и вроде бы миловидной дамочки горячими слезами плачут матерые купцы-старообрядцы; а уж казалось, больших выжиг в природе и не бывает. И вроде бы она – коллега господина Тимохина, в одном с ним научном звании и при одной специализации, а разница как между небом и землей. Господин Тимохин – непрактичный, как все ученые, рассеянный и ошарашенный свалившимися на него переменами. «Я теперь, Дмитрий Иванович, – говорил он мне, – только чистый теоретик, могу лишь витийствовать в эмпиреях, не имея ни малейшей возможности доказать свою правоту экспериментальным путем-с...». И прямо противоположный взгляд госпожи Лисовой: что если сейчас взяться за развитие науки, в том числе и с материальной стороны, то уже нынешние студенты, став маститыми мэтрами, смогут и повторить, и воспроизвести, и пойти дальше. Только вот другой вопрос: стоит ли играть с такими силами, которые рвут границы между мирами с легкостью, будто кисейные занавески...

Но одно дело ученые, доктора и кандидаты (даже такие специфические, как госпожа Лисовая), и совсем другое – люди, которые вращаются вокруг императоров и императриц. Не то чтобы Дмитрий Иванович робел перед сильными мира сего... но за руководством пришельцев из будущего закрепились репутация жестоких ретроградов-консерваторов, напроць не воспринимающих никаких либеральных идей. После рассказов своих коллег из будущего профес-

сор Менделеев воспринимал Одинцова как некую инкарнацию Держиморды, смесь Малюты Скуратова и князя-кесаря Ромодановского, с небольшой примесью немного прогрессивного князя Потемкина-Таврического. В силу возраста и некоторой интеллигентской политической наивности профессор почитал либерализм единственным прогрессивным учением, а его противников, как небезызвестного господина Победоносцева – чуть ли не исчадиями ада. Где же ему знать, что консерватор консерватору рознь: один консервирует все подряд – и хорошее и плохое, а другой охраняет от разрушения только скрепы и основы общества...

Собственно, визит в Зимний дворец оказался не столь страшен. Едва профессор предъявил часовому на входе пропуск-приглашение, как появился дежурный лакей, который со всей возможной вежливостью сопроводил Дмитрия Ивановича в Малахитовую гостиную. На тот момент там находились только жених императрицы полковник морской пехоты Новиков и ее брат Великий князь Михаил Александрович. И как раз сейчас эти два достойных друга друга героя сражения под Тюренченом оживленно обсуждали животрепещущий вопрос о том, как вернуть императорской гвардии звание самого боеспособного соединения русской армии. Впрочем, как только в гостиную вошел Менделеев, гвардия была забыта и все внимание присутствующих обратилось на светило русской науки. У Менделеева даже возникло ощущение, что его, по всем правилам военной науки, окружают, отрезая от возможности организованного отступления.

Впрочем, поскольку времени было без одной минуты пять, практически сразу в гостиной появилась императрица Ольга в сопровождении канцлера Империи господина Одинцова и своей первой статс-дамы, которую она называла Дарьей Михайловной. Все трое были одеты в черное, и их вид создавал у Менделеева впечатление некоей форменной одежды. Следом вошли двое слуг в красных русских рубахах с вышивкой и в скрипящих сапогах – они внесли огромный пышущий жаром самовар, который тут же водрузили на самую середину стола, уже накрытого для чаепития на шесть персон. Справившись с этим нелегким делом, лакеи степенно поклонились своей повелительнице и вышли вон, а вместо них в Малахитовую гостиную впорхнули три раскосые девушки и принялись с поклонами и улыбками рассаживать гостей и наливать им чай. Нетрудно было догадаться, что эту прислугу императрица привезла с собою с японской войны. Девушки были одеты ярко и необычно. Впрочем, если присмотреться, то ничего особо экзотического в корейском ханбоке не было. Сарафан и сарафан. Разница только в том, что русские девушки надевают кофточку под сарафан, а кореянки носят ее сверху. Самое главное, что руки у служанок ловкие и нежные, а чай – крепкий и ароматный. В конце концов, в ритуале русского чаепития главное – это общение, остальное же просто антураж.

С первой же минуты Менделеев понял, что главный человек, ради которого затеяно все мероприятие – это он. Императрица не стала тратить время на вступления и реверансы и, слегка отхлебнув чаю, сразу взяла быка за рога.

– Дмитрий Иванович, – сказала она, – человек вы разносторонних интересов и, помимо химии, разбираетесь во многих других вещах. Сейчас наше величество острее всего интересуется экономическое развитие вверенной нам Богом державы, потому что, как нам кажется, в этом вопросе не все ладно...

– Да, Ваше Императорское Величество, – согласился Менделеев, – экономическими вопросами мне тоже доводилось заниматься... Я, знаете ли, сторонник развития в русском народе общинного и артельного духа, чтобы в каждом селе или деревне была своя фабрика, организованная на артельных началах, и чтобы летом мужики работали на полях, а зимой на своих фабриках. Богатство и капитал равно труду, опыту, бережливости, равно началу нравственному, а не чисто экономическому. Состояние без труда может быть нравственно, если только получено по наследству. Истинным капиталом является только та часть богатства, что обращена на производство, но не на спекуляцию и перепродажу. Богатство же, обращенное на ростовщичество и спекуляцию, является паразитирующим на производстве, и избежать его

влияния можно путем развития в русском народе общинных начал, а также повсеместного распространения артелей и кооперативов.

– Павел Павлович, – спросила обеспокоенная императрица, оборачиваясь к канцлеру, – вы можете что-нибудь сказать по этому поводу? а то я ничего не поняла...

– Китайская модель, ваше Императорское Величество, – ответил Одинцов. – В конце двадцатого века в условиях, схожих с нынешними российскими реалиями, такая система способствовала скорейшей индустриализации до того бедной и крайне отсталой аграрной страны. Чего-чего, а артельного начала и кооперативного духа у китайского крестьянина в разы больше, чем у русского мужика. Правда, у этого пути развития есть несколько побочных эффектов. Во-первых – качество товаров, выпускаемых на таких деревенских мини-фабриках, обычно крайне низкое, так что репутация марки «Сделано в Китае» было надолго испорчено. Единственным положительным свойством китайских товаров считалась их крайняя дешевизна. Изделия для небогатых и непритязательных потребителей – в случае поломки их было проще выкинуть, чем отремонтировать. Во-вторых – такой дешевый и массовый товар должен иметь сбыт. При ограниченной емкости внутреннего рынка необходимо экспортировать готовые изделия за пределы богоспасаемого отечества. А раз единственным преимуществом таких товаров с невысоким качеством является их низкая цена, то стоит сделать вывод, что любой таможенный тариф – хоть экспортный в России, хоть импортный в стране назначения – убьет идею экспорта таких товаров напрочь. Качество их будет хуже местных, а цена из-за высоких тарифов – выше. Следовательно, экспортировать такое возможно в те страны, с которыми у России имеется таможенное соглашение о том, что данная группа товаров не облагается пошлинами. В ответ с нашей стороны не будут облагаться пошлинами какие-то товары их производства. В-третьих – не все отрасли подходят для такого типа хозяйствования. Так, например, в металлургии или тяжелом машиностроении мелкие артельные фабрики не произведут ничего, кроме порчи материала. Был в нашем прошлом эксперимент в том же Китае, когда их коммунистический вождь-император Мао-Цзедун бросил клич, что Китай по выплавке стали и чугуна должен догнать и перегнать Великобританию...

– И что, – с интересом спросил Великий князь Михаил, – перегнали?

– Разумеется, перегнали, – кивнул Одинцов, – настроили в каждом городском дворе и в каждой деревне по маленькой доменной печи – и перегнали. Но в итоге результат трудового энтузиазма был печален: все выплавленное самодельными металлургами годилось только в брак и не могло быть использовано никаким способом. Это, Дмитрий Иванович, касается и вашей идеи свободного соревнования мелких и средних металлургических заводчиков с крупными, высказанными после вашей Уральской экспедиции пять лет назад. Плавка металла, как и некоторые другие виды производств, характеризуемых выпуском больших количеств однородного и единообразного товара, должны производиться исключительно на крупных предприятиях, имеющих самое лучшее, мощное и современное оборудование, а также подготовленный и опытный инженерно-технический и производственный персонал.

– Да уж, господин Одинцов, уели вы меня, уели! – мелко засмеялся Менделеев, – а говорили, что в экономических процессах совсем не разбираетесь...

– Ну не так уж совсем, Дмитрий Иванович, – усмехнулся Одинцов, – просто помню из школьного курса истории пару скользких мест, на которых может разбить себе нос неопытный реформатор. А в остальном мне с вами не тягаться, да и не моя это работа, в конце концов. Мое дело – найти подходящих специалистов на должности министра финансов и министра экономического развития, и объяснить им, какие приемы в моем прошлом (а их будущем) были успешными, какие не очень, а какие откровенно провальными. После этого я должен буду сдать дела с рук на руки найденным специалистам и снова переключиться исключительно на стратегические вопросы внутренней и внешней политики, при этом поглядывая на экономику и финансы одним глазом.

– А от меня вы что хотите, господин Одинцов? – проворчал Менделеев. – Стар я уже для министерских должностей, да и такого сильного желания заниматься финансовым делом не испытываю...

– А я вас в министры и не уговариваю, – кивнул Одинцов, – вы мне нужны как научный консультант, которому я передал бы всю начальную информацию, а также пожелания, в каком направлении должны развиваться наши промышленность и торговля, после чего мое дело – только контролировать, чтобы все развивалось в правильном направлении и с правильной скоростью. Помнится, Дмитрий Иванович, лет пятнадцать тому назад вы вместе с господином Витте участвовали в разработке таможенного тарифа?

– Да-с, – ответил Менделеев, – участвовал под руководством тогдашнего министра финансов господина Вышнеградского. Светлого ума был человек, да только жаль, съели его наши чинуши своими интригами самым бессовестным образом, и упомянутый вами господин Витте был среди них главным.

– Так вот, Дмитрий Иванович, – сказал Одинцов, – нам нужен новый Вышнеградский – то есть человек честный, умный, с математическим складом ума, под руководством которого мы не только смогли бы создать новый научно обоснованный импортно-экспортный тариф, но и сбалансировать зажатую золотым стандартом Витте финансовую систему, что сейчас задыхается от общего недостатка денег. Чтобы Россия развивалась с максимальной скоростью, необходимо вернуться к частичному золотому покрытию рубля. Та часть денежной массы, что участвует в импортно-экспортных операциях и репатриации иностранного капитала, должна быть обеспечена золотом. А та часть, что задействована исключительно во внутреннем обороте и служит для оплаты товаров или услуг, произведенных внутри России, из российского сырья и российскими рабочими, должна быть покрыта исключительно затраченным на внутреннее производство трудом. Все дело в том, что при запланированном нами росте экономики количество золота в подвалах госбанка не сможет расти с той же скоростью, с какой может расти товарная масса, а это будет грозить российской экономике кризисом неплатежей и всеобщим коллапсом. Впрочем, обратная картина, когда денег выпускается больше, чем под них имеется товаров, тоже грозит бедой, поскольку в этом случае начинается неуправляемая инфляция. Не стоит забывать и про транспортные тарифы, разумно соединяющие места производства товаров и места их потребления. Вот это – первое, второе и третье, увязанное в единую систему и дополненное правильными законами о труде – и станет правильной финансово-экономической политикой, которая обеспечит максимальную скорость развития российской промышленности. При этом за тем, чтобы этой политике не чинилось никаких препятствий, буду следить как я лично, так и служба имперской безопасности, которая в бараний рог свернет любого интригана вне зависимости от его титула, подданства, а также общественного и служебного положения... Кстати, господин Витте за свои прегрешения уже в Петропавловке, и вряд ли оттуда выйдет в обозримый период.

– Интересно, интересно, господин Одинцов... – сказал Менделеев, внимательно глядя в своего собеседника, – между прочим, для создания такой объединенной системы необходимо организовать целое новое министерство, которое будет заниматься одними подсчетами...

– Если потребуется, – сказал Одинцов, – то мы, не моргнув глазом, вдобавок к министерству государственного контроля создадим и министерство государственного планирования и наполним эти названия новым содержанием. С вас, Дмитрий Иванович, как человека безусловно опытного и честного – кандидатуры будущих министров, с нас – их проверка и, если все нормально, то назначение на должность...

– Весьма неожиданное предложение, господин Одинцов... – пробормотал Менделеев, по ходу разговора не забывавший отхлебывать горячий ароматный напиток, – если можно, я бы хотел немного подумать, чтобы потом дать свои предложения в письменном виде...

– Разумеется, подумайте, Дмитрий Иванович, – вместо Одинцова ответила императрица Ольга, – спешка хороша только при ловле известных всем зловредных насекомых. А сейчас, если уж выдалась такая возможность, давайте насладимся отличным цейлонским чаем и высоким искусством императорских кондитеров.

Остаток чаепития прошел в ничего не значащей светской беседе. В конце концов, не каждый же день присутствующим, будь они хоть августейших достоинств, удастся погонять чай с самим профессором Менделеевым.

**[3 августа 1904 года, 20:15. Царское
Село, Александровский дворец
Коммерческий директор АОЗТ «Белый
Медведь» д.т.н. Лисовая Алла Викторовна.]**

За эту неделю мы с Николаем сильно сблизились. Дело было даже не в том, что мы много разговаривали и обсуждали нашу будущую семейную жизнь. Скорее, мы учились быть рядом. Чувствовать настроение друг друга, читать по глазам, по жестам... Улавливать разные тонкости, которые прежде были неважны... Мы могли говорить о вещах, не относящихся к нам напрямую, но и это давало нам необходимую информацию друг о друге.

Николай уже чувствовал себя вполне здоровым. Но доктор Боткин все же не советовал ему раньше времени приниматься за дела, а рекомендовал больше отдыхать, так как организм после болезни был еще ослаблен. Ха-ха, в моем времени люди, которым нужно работать, чтобы зарабатывать, обычно плюют на подобные рекомендации... Едва почувствовав себя сносно, они мчатся на работу. Я и сама такая, но, к счастью, ЗДЕСЬ мне болеть еще не приходилось. Впрочем, не знаю, как бы я повела себя теперь, случись мне простудиться. Некоторые обстоятельства и планы способствуют тому, чтобы я внимательней относилась к своему здоровью...

Николай же слушал советы врача, как если бы это были Божьи откровения, и следовал им неукоснительно. Разумеется, я была этому рада. Какая-то своеобразная прелесть была в том, что мой любимый мужчина болеет, а я за ним ухаживаю... Что тот, кто совсем недавно, венценосный и блистательный, стоял во главе Российской Империи – теперь, кроткий и тихий, находится в моем полном распоряжении... причем на правах моего жениха.

Кроме того, что за эту неделю мы еще сильнее сблизились душевно, между нами стала проскакивать отчетливая искра эротизма... Раньше я предпочитала не думать о наших отношениях в таком ключе. Я старалась, чтоб мои мысли, так же, как и поведение, были вполне благопристойны. То, что я ощущала влечение, было для меня вполне достаточно. Но сейчас... Сейчас мои мысли частенько заходили весьма далеко... так далеко, что мне приходилось краснеть и одергивать себя. Но, черт возьми, есть что-то безгранично эротичное в том, что твой мужчина лежит в постели – все еще бледный, чуть осунувшийся, и в глазах его поволока легкой грусти...

Надо сказать, что у нас с Николаем до сих пор не было интимной близости. Он относился ко мне слишком трепетно, словно боялся оскорбить малейшим неловким движением. Конечно, из наших бесед ему было известно, что в моем мире нравы не блюдутся столь строго, как ЗДЕСЬ. Тем не менее он не делал никаких «неприличных» поползновений в мою сторону. И я в душе невольно восхищалась этим мужчиной – ведь было вполне очевидно, что он испытывает ко мне сильнейшую страсть... И он умел это показать – но так, что внешне все было благопристойно и невинно. Взгляд, мимолетное прикосновение, рассказанная к месту притча или процитированное высказывание... Иногда в ход шли даже стихи. О, он обольщал меня со всем искусством ловеласа! Не торопясь и, очевидно, смакуя каждый момент нашего общения... Но при этом он не был ловеласом. Может быть, он был им со своими прошлыми «увлечениями», но не со мной. Я знала это точно... Со мной он был как раз тем, кем и желал быть – романтическим рыцарем... Именно так я и его и воспринимала – вероятно, это и была его истинная суть. Ему было интересно покорять меня – вот так, открывая какие-то неизвестные грани своей души, поражая и влюбляя в себя еще сильнее...

И вот оттого, что он за мной так тонко и изящно ухаживал, не торопя события и не делая никаких откровенных намеков, мне начинал казаться убогим образ мыслей моих современников там, в двадцать первом веке – когда понятие «любовь» извратилось и обеднело. Сама себе

я казалась словно бы обворованной – там, в моем мире; и вот теперь, здесь, все утраченное возвращалось ко мне. Я начинала понимать, что все должно было быть совсем не так, как я привыкла... И новое, неизведанное проникало вглубь моей души, как луч солнца проникает в темную комнату – и приступы невыразимой нежности заставляли замирать мое сердце, и отворачиваться вдруг, и впадать в задумчивость... И я ждала, с трепетной радостью ждала того момента, когда можно будет открыться полностью и дать свободу своим чувствам. Я полюбила впервые... Только сейчас я поняла, как можно узнать настоящую любовь, чтобы не спутать ее ни с чем другим: ты словно идешь по воздуху и смотришь на действительность с некоторой высоты. Все как-то легко и ясно, и в то же время ново и заманчиво... И при этом ты уверена и внутренне спокойна. И не надо притворяться, играть чужую роль; нужно лишь довериться судьбе и той силе, что поддерживает тебя на весу...

Николай сегодня был более оживлен, чем обычно. Он много шутил, и в глазах его горел молодой задорный огонек. Но иногда взгляд его подергивался поволокой; он замолкал и смотрел на меня так, что внутри меня словно бы что-то загоралось. И тогда я принималась смущенно покашливать и нарочито веселым голосом говорить какие-то ничего не значащие слова – все это было призвано скрыть мое волнение. А волнение это возникало оттого, что я вдруг отчетливо поняла: ЭТО произойдет сегодня.

Я хлопотала, заваривала чай, наводила порядок... который, впрочем, и без того всегда сохранялся в этой комнате усилиями прислуги, что приходила в дневное время. И от того, что я перекладывала книги с одной полки на другую, слегка сдвигала шторы или меняла местами предметы на прикроватном столике, в комнате ничего не менялось... Но эти действия помогали мне обуздать свою нервозность.

Отпылал за окнами закат. Над горизонтом растянулась алая полоска, которая медленно меркла. Я отошла от окна и присела на краешек кровати. Протянула руку, чтобы зажечь светильник.

– Не надо... – остановил меня Николай, прикоснувшись к моей руке. – Позвольте мне насладиться цветом закатного неба, Алла...

Голос его был глух. В полумраке поблескивали его глаза, в которых отражалась вечерняя зарница.

– Восхитительное зрелище, не правда ли... – едва слышно произнес он.

– Да... – так же тихо ответила я.

Его рука легла на мою руку. От нее исходило тепло.

Воцарилось молчание; несколько напряженное, так как оба мы знали, что сегодня должно произойти, оба желали этого, но не представляли, как перейти последнюю грань.

– Можно, я прилягу с вами рядышком, Николай Александрович? – шепотом спросила я.

Он подвинулся и я устроилась под его боком. Сладко было лежать, чувствуя его своим телом. Это были мгновения, когда тела наши привыкали к близости друг друга. Этот человек рядом был родным и бесконечно дорогим мне...

Медленно гасла полоса над горизонтом, небо темнело, за окном сгущалась вечерняя мгла. И мы наслаждались этим мгновением, зная, что больше оно уже никогда не повторится...

– А знаете, Алла Викторовна... – тихо произнес он; при этом его губы коснулись моего уха, – а ведь я отрекся только от престола Российской Империи. А вот корона Великого княжества Финляндского все же ненароком осталась на моей голове. Честное слово, это получилось не специально... Температура, когда я подписывал ту бумагу, у меня была под сорок, и я не проверил текст Манифеста, который мне дали на подпись. Уж очень мне тогда было плохо. Так вот: Великого княжества Финляндского там не оказалось – и теперь, наверное, будет уже поздно что-нибудь менять. Разумеется, я принесу сестрице Ольге положенную в таких случаях вассальную присягу и буду до конца жизни хранить ей верность, но все равно теперь я все же могу предложить вам разделить со мной если не полцарства, то хотя бы кое-что...

Эта новость, услышанная в такой интимный момент, заставила меня замереть на несколько мгновений. Я пыталась вникнуть в сказанное, а вникнув, вдруг осознала, что для меня абсолютно неважно, какое «приданое» у моего жениха. Но его маленький «сюрприз» был, безусловно, приятен. Честно сказать, ничего подобного я не ожидала. Впрочем, все это еще требовало отдельного осмысления, но этим я займусь гораздо, гораздо позже...

– Что ж, я буду доброй королевой для своих подданных, если они сами будут ко мне добры; а если нет, то их можно только пожалеть... Не зря же меня прозвали Рыжею Акулой, – ответила я, и мы оба тихонько рассмеялись.

– Но вы, Алла Викторовна, теперь совсем не рыжая, – тихо сказал мне Николай, – впрочем, для меня это не имеет никакого значения.

А потом я ощутила поцелуй на своем плече... Я обвила руками его шею и стала целовать. Не нужно было больше никаких слов и объяснений. Мы унеслись в благословенную страну, где нет ни времени, ни мыслей, ни бранных забот... Мы отдавались своей любви – неистово и страстно, и нам не было никакого дела до всего остального...

[4 августа 1904 года, 14:15. Санкт-Петербург, Зимний дворец, кабинет Канцлера Российской Империи Предприниматель, меценат и благотворитель, сочувствующий большевикам, потомственный почетный гражданин, мануфактур-советник⁶ Савва Тимофеевич Морозов.]

Правительственная телеграмма с надпечаткой «Мануфактур-советнику С.Т. Морозову лично в руки», доставленная в особняк на Спиридоновке, разделила жизнь семьи Саввы Морозова на «до» и «после». С треском разорвав заклею, владелец одного из самых крупных состояний в Империи, а по совместительству театральный меценат и спонсор партии большевиков, раскрыл сложенную пополам картонку – и понял, почему почтовый служащий, доставивший это послание, едва отдав адресату телеграмму, шарахнулся от его дома как от зачумленного. Текст, напечатанный на бумажной ленте неровным шрифтом аппарата Бодо, был до неприличия короток: «Срочно приезжайте, надо поговорить. Телеграмму предъявите в Зимнем как пропуск. П.П. Одинцов.»

Положив телеграмму на столик, Савва задумался. Какое дело, точнее какой разговор, мог появиться у господина Одинцова к купцу и промышленнику старообрядческого вероисповедания? Кто же не знает канцлера Российской империи, которого некоторые (в том числе и начетчики⁷ старообрядцев) называли воплощенным Антихристом, зато другие почитали чуть ли не воплощением апостола Петра. Еще полгода назад о Павле Павловиче Одинцове и других его товарищах не знал никто, а сейчас, пожалуй, его имя известно всем. Правая рука новой государыни, глава правительства, жестокий государственный и фанатик национальных интересов. И такой человек пишет «надо поговорить»... Не то чтобы Савва Морозов чего-то боялся. Нет, не боялся. Чего ему бояться? Но опаска и непонимание истинного смысла этого послания имелись. Но также было и понимание того, что пожелай господин Одинцов причинить вред Савве Морозову и его семье – в особняк на Спиридоновке уже врывается бы штурмовая группа СИБ... Нет, тут что-то другое. Он нужен этому Одинцову, причем нужен срочно и по важному делу, потому что иначе все было бы устроено совсем не так...

Поэтому, решил Савва, ехать надо непременно. Сначала следует выслушать, что ему будет предлагать этот представитель Антихриста, а уж потом думать, соглашаться на эти предложения или нет.

Нараспев, в голос, как по покойнику, зарыдала супруга Саввы Тимофеевича, Зинаида Григорьевна Морозова, в девичестве Зимица, тоже происходящая из купеческой старообрядческой семьи. А как же не рыдать? Супруг-то, считай, лезет прямо в глотку рыкающего льва и не желает слушать доводов разума, то есть собственной жены, которая ему дурного не посоветует.

---

⁶ мануфактур-советник – почётное звание, дававшееся владельцам крупных промышленных предприятий и купцам Российской империи; соответствовало VIII классу статской службы, то есть коллежскому ассессору у чиновников, титулярному камергеру при дворе, капитану в пехоте, ротмистру в кавалерии и есаулу в казачьих войсках.

⁷ У старообрядцев-беспоповцев духовенство как таковое отсутствует, и его функции ограничено выполняют специально подготовленные миряне, которых и называют начетчиками. Мол, после церковной реформы Никона в мир пришел Антихрист, а следовательно, никакого рукоположения новых священников быть не может, ибо мир уже осквернен. Вот так и живут люди более трехсот лет, уверенные, что при жизни оказались в царстве Антихриста, то есть в аду. В других местах с такими идеями инквизиция давно бы пожгла всех на кострах и отправила дело в архив. Но русские добрые, махнули рукой – пусть живут как знают, лишь бы другим не мешали, – и оставили старообрядцев в покое.

– Цыц, муха! – рявкнул на супружницу Савва. – Наслушалась от теток глупостей про Антихриста! Вот увидишь, ничего плохого этот Одинцов мне не сделает. Наоборот, чуёт мое сердце, что для нашей семьи из этого приглашения может еще проистечь много хорошего. К императорскому двору попадешь, дура!

Сказал – как отрезал. И, собравшись, уехал в личном экипаже на Николаевский вокзал. А Зинаида Григорьевна осталась. Дурой в свои тридцать шесть лет она не была, поэтому, как только муж вышел из дому, перестала голосить. Ибо незачем. И останавливать всерьез супруга она не собиралась. Показала, как за него переживает – и ладно. Слишком большой он человек и слишком сильно уважаем в российском купечестве, чтобы хоть кто-нибудь мог причинить ему зло без особой нужды. Даже такой непонятный человек как правая рука новой императрицы, канцлер империи Павел Одинцов.

А еще Зинаида Григорьевна невероятно тщеславна и избалована, поэтому быть представленной к императорскому двору – мечта всей ее жизни. Ей нравится «выходить в свет», участвовать в пышных балах, приемах, концертах и театральных премьерах. Причём желание госпожи Морозовой во всем быть первой уже не раз ставило её мужа в неловкое положение. Так, восемь лет назад, во время Нижегородской Всероссийской выставки, которую посетили император Николай с супругой, шлейф Зинаиды Григорьевны оказался длиннее, чем у царствующей императрицы, что являлось серьезным нарушением этикета. Ей хотелось привлекать к себе всеобщее внимание и, чтобы хоть как-то достичь своей цели, супруга Саввы Морозова всей душой отдается общественной деятельности, устраивая благотворительные концерты, приёмы, вербные базары, участвуя в деятельности различных благотворительных комитетов. И совершенно непонятно, что эта женщина будет делать, если правящая монархиня вместо пышной роскоши и блеска начнет подавать подданным примеры суровой простоты и аскетизма, пусть даже не как монашка, а как предводительница военного отряда, в который в ближайшем будущем должна обратиться вся Российская Империя. Впрочем, это уже совсем другая история...

Благополучно добраться к поезду на Николаевском вокзале еще не значит, что удастся спокойно уехать. На перроне собрался целый комитет провожающих, которых добрый почтмейстер оповестил о полученной Саввой Морозовым телеграмме. Тут и представители купеческого сословия, и театральные деятели, художники, писатели и артисты, для которых Савва Морозов тоже был не чужим человеком; а также некоторые московские аристократы, вхожие в салон его супруги Зинаиды, которых писатель Чехов советовал гнать палкой⁸. И лица у всех при этом такие сочувственные-сочувственные, что дальше некуда. Мол, идет Савва Тимофеевич – то ли на Голгофу, то ли в пещь огненную; так что вряд ли мы его когда-нибудь увидим.

Впрочем, наш герой не стал говорить никаких прощальных речей, просто плюнул на чисто выметенный перрон, выругался тихим незлым словом и залез в свой мягкий вагон, где у него было выкуплено целое купе, ибо господин Морозов не любил ездить с попутчиками. Обрыдло ему все это до самых печенок, а больше всего надоели представители своего купеческого сословия, жадные и алчные будто волки, да и о прочих представителях так называемой «чистой публики» тоже слова доброго сказать нельзя было. Хорош был лишь народ; но тот терпеливо тянул свою лямку и, как это сказано у Пушкина, безмолвствовал. Савва и хотел бы помочь простым людям, да только не знал чем. Ведь благотворительность – это не помощь, а подачка. Взятка, данная для того, чтобы перед Богом и людьми замазать природный грех ненасытной алчности и лжи. Со своими работниками он был честен и справедлив, но в общей массе они только капля в море. Именно поэтому Савва спонсировал большевиков, давал деньги на издание газеты «Искра», а в минуты общих гонений укрывал у себя то Красина, то Баумана.

---

⁸ А. П. Чехов писал своей жене 13 февраля 1902 года: «Зачем Морозов Савва пускает к себе аристократов? Ведь они наедятся, а потом, выйдя от него, хохочут над ним, как над якутом. Я бы этих скотов палкой гнал.»

Впрочем, никто из «проводящих» за Саввой Морозовым в вагон не полез; а вскоре гугукнул паровоз, поезд-экспресс тронулся и отправился в путешествие до Северной Пальмиры. В начале двадцатого века это почти сутки пути... Так они прошли – под стук колес, раскачивание вагона и гудки паровоза. И без каких-либо особенных приключений. На Николаевском вокзале Санкт-Петербурга, куда поезд прибыл утром, Савва Морозов взял лихача, загрузил в него свой багаж, и приказал ехать в отель «Европа», расположенный минутах в двадцати неспешной прогулки от Зимнего дворца. Там Савва привел себя в порядок, переоделся, и при полном параде пешком направился в сторону Дворцовой площади, подсознательно стараясь отдалить предстоящую встречу с канцлером Одинцовым.

Но все когда-нибудь кончается; и вот он уже стоит у бокового входа Зимнего Дворца и показывает часовому в непривычной полуморской-полуармейской форме правительственную телеграмму с приглашением... Солдат снимает трубку висящего здесь же, на посту, телефона и докладывает кому-то о мануфактур-советнике Морозове, явившемся по приглашению господина канцлера. Минуту спустя прибывает дежурный слуга – он и сопровождает Савву Морозова по длинным коридорам и переходам Зимнего дворца к двери, за которой находится рабочий кабинет канцлера Империи. Распахнув дверь, слуга громко рапортует: «Ваше высокопревосходительство, господин государственный канцлер, мануфактур-советник Савва Морозов прибыл по вашему приказанию!», после чего делает шаг в сторону, давая гостю пройти внутрь и осмотреться.

Внешне кабинет выглядит как обычное присутственное место, и даже портрет новой государыни (правда, не в полный рост, а лишь голова и верхняя часть плеч) висит на стене на положенном месте. Но гость, вообще-то не робкого десятка, вдруг застывает в оцепенении, и только усилием воли заставляя себя войти. Человек, который сидит за письменным столом и тяжелым пристальным взглядом смотрит на одного из богатейших людей Российской империи, способен как низвергнуть его в прах, так и исполнить самые невероятные мечты... Дело в том, что при всем своем богатстве, уме и авторитете Савва Морозов оказался не в состоянии устроить дела так, как хочется (то есть по справедливости) даже на своих собственных фабриках, а не то что по всей России.

Именно это чувство социального бессилия человека, который для себя лично способен добиться почти всего, и станет в будущем источником его тоски и причиной психиатрического диагноза, а также, возможно, приведет к его безвременной смерти. Уже сейчас он чувствовал признаки неудовлетворенности жизнью и бессцельности своего существования, ибо процесс построения бизнес-империи ему наскучил, а социальная роль не предлагала ничего иного. Хоть ты из шкуры лезь – купчиной был, купчиной и останешься. Но, возможно, хозяин этого кабинета предложит своему гостю нечто такое, что вернет тому жажду деятельности и вкус к жизни. А Антихрист он или нет – это не важно. Если предложение будет из разряда тех, от которых нельзя отказаться, то Савва Морозов простит ему все: и хвост, и рога, и копыта, и даже запах серы, которого, между прочим, в кабинете совсем не ощущается...

– Ну что же, здравствуй, Савва Тимофеевич, – сказал хозяин кабинета, когда слуга закрыл за собой дверь с обратной стороны. – Очень рад, что ты приехал сюда, ко мне, а не кинулся, к примеру, в бега. А то, знаешь ли, были прецеденты... Да ты не стесняйся, садись. Только вон туда, потому что на этом кресле будет сидеть государыня-императрица, ежели ей вздумается поучаствовать в нашем разговоре...

– И вам тоже здравствовать, Павел Павлович, – степенно ответил Савва Морозов, опускаясь на предложенный ему стул, – вы написали, что у вас есть ко мне какой-то определенный разговор, а иначе вызывать меня сюда из Москвы не было бы смысла.

– Разговор есть, – подтвердил Одинцов, – скажи мне, Савва Тимофеевич, как ты оцениваешь общее положение Российской Империи?

– Ну, – замылся Савва, – насколько я понимаю, положение Российской империи вполне устойчиво. Война выиграна, в Европах нас уважают и побаиваются, золотой рубль стоит крепко, и только последние неурядицы слегка поколебали уверенность деловых людей в безоблачном будущем. Уж больно матушка императрица и вы, ее верные слуги, суровы и беспощадны. Если уж ближайшего сродственника царской семьи с чадами и домочадцами отправляют в пыльную киргизскую Тьмутаракань, то что же будет тогда с нами, простыми смертными?

– А что их, прощать, что ли, следовало? – хмыкнул Одинцов. – Участие семейки Владимировичей в антигосударственном заговоре практически не оставляло государыне возможностей для какого-либо помилования. Тем более что этих Владимировичей один раз все-таки простили и предупредили, что если они продолжат интриговать, то пощады им уже не будет. Итак, выбор у нас был только между плахой и ссылкой, и государыня Ольга была достаточно милосердна, чтобы не поотрубать им всем глупые головы. Так что, если те, кого ты, Савва Тимофеевич, назвал простыми смертными, не будут нарушать законов империи и участвовать во всяких подленьких делишках, им не будет грозить никаких наказаний. Но если кто попадется на горячем, то не обессудьте. Расправа над Владимировичами нужна была еще и для того, чтобы показать народу, что неприкосновенных в Российской империи более не существует. Теперь каждый виновный в государственных преступлениях, вне зависимости от титула и размеров состояния, получит десять лет каторги и конфискацию всех денежных капиталов, доходных бумаг, а также движимого и недвижимого имущества...

«Ну что же, – с холодком внизу живота подумал Савва Морозов, – вот и поговорили. Если материальную поддержку большевиков-революционеров и либералов-конституционалистов (*а он подкармливал и тех и других*) посчитать государственным преступлением – то все, дорогой Савва, песенка твоя спета. Загонят на каторгу и конфискуют все до последней копейки, не пожалев жену и мать. Этот Одинцов такой – настоящий Антихрист. Но тогда зачем он вызвал меня сюда, к себе, а не арестовал прямо в Москве? Непонятно. Или все же данный разговор о каторге, ссылке и конфискации был лишь прелюдией к такому предложению, от которого Савва Тимофеевич Морозов вовсе не сможет отказаться? Ведь я – не какой-нибудь Великий князь, потерявший голову от ощущения собственной безнаказанности, и последние предупреждения понимаю хорошо... Интересно, что ему нужно – миллион наличностью или мое участие капиталами в каком-нибудь государственном предприятии?»

Пока Савва размышлял над своей незадачливой судьбой, канцлер Одинцов хмыкнул и неожиданно изменил направление разговора.

– А теперь, – сказал он, – давайте поговорим об экономическом положении, которое вы сочли устойчивым. На самом деле не все так радужно, можно даже сказать, дела обстоят наоборот. Российское экономическое положение крайне плохое и, в силу беспрестанно увеличивающегося отставания от развитых стран, оно продолжает усугубляться. Какое, собственно, экономическое развитие в стране может быть, если две трети ее населения живут натуральным хозяйством, как во времена Владимира Красное Солнышко? Вот где прячется настоящий Антихрист, а не там, где ваши начетчики его непрерывно ищут. Из-за этого наше правительство не в силах что-нибудь изменить! Бесплезно давать деньги на развитие промышленности, если у большей части населения нет ни копейки, чтобы купить хоть какие-то товары. У рабочих, за которых вы, Савва Тимофеевич, радуете, положение, конечно, получше, чем у мужиков, но ненамного; да и их численность несравненно меньше крестьянского населения, и погоды в общей сумме платежеспособного спроса особо не делает. Еще хуже ведет себя так называемая «чистая публика», пробавляющаяся в основном импортными товарами. Таким образом, если мы хотим сделать Россию по-настоящему сильным государством, а русский народ счастливым и богатым, нам надо менять в корне все и сразу.

– Хорошо, Павел Павлович, – сказал осмелевший Савва Морозов, поняв, что прямо сейчас ему никто связями с большевиками в лицо тыкать не будет. – Я совершенно с вами согласен,

что народная бедность и, прямо-таки сказать, нищета являются препятствием для увеличения российской промышленной мощи. Но при этом я не понимаю, какое это отношение имеет ко мне, ведь, несмотря на все свои богатства, я все же не Иисус Христос и не смогу накормить пятью хлебами всех голодающих мужиков.

– Отношение, Савва Тимофеевич, – хмыкнул Одинцов, – самое прямое, потому что мы с государыней императрицей намерены предложить вам новосозданный пост министра экономического развития Российской Империи. На данный момент вы – один из лучших российских управленцев, сочетающих эффективный контроль за производственными процессами с человеческим отношением к людям. Если вы примете мое предложение, то именно вашей заботой будет объединение всех государственных усилий на главной задаче экономического и промышленного усиления Российской Империи. Ведь это позор, что в государстве, считающем себя одной из мировых держав, до сих пор не производятся ни оптические стекла, ни приборы точной механики, ни даже двигатели внутреннего сгорания, необходимые для строительства бурно развивающихся автомобилей и аэропланов.

Вот тут-то Савве Морозову и поплохело по-настоящему. Непрерывно критиковать все подряд, не имея ни к чему конкретного отношения – это одно, и совсем другое – самому взяться за такое дело, от сложности которого кружится голова. Иной бы обрадовался этому приглашению как возможности набить кошелек за государственный счет, но Савва Тимофеевич был не таков. Во-первых – он был честен, а во-вторых – даже для нечестного персонажа, имея дело с Одинцовым, набить кошелек окажется невозможным. Скорее, выйдет наоборот – и тот, кто решил обогатиться за государственный счет, сам окажется выстрижен на половину головы и отправится по этапу в Сибирь работать с кайлом в руках. Нет, для Саввы Морозова такое не подходит, ему придется впрячься в лямку и тащить в полную силу, как тащат этот груз Одинцов и остальные его товарищи. Но, черт возьми, вот оно! Вот оно – то грандиозное дело, которого он как манны небесной ждал в своей уже изрядно наскучившей жизни. Возможность создать что-то великое и сказать сыновьям: «Гордитесь, это сделал ваш отец...»

– Да, господин Одинцов, – решительно сказал он, – я согласен с вашим предложением. А теперь объясните мне: как вы все это видите и с чего я должен начать?

– Начать, Савва Тимофеевич, – сказал Одинцов, – следует с начала. В вашем распоряжении окажутся не только государственные, то есть казенные предприятия, но и все рычаги воздействия на частных промышленников. Задача, которую мы с государыней ставим перед вами, будет заключаться в том, что за десять последующих лет общий объем российской экономики, совокупно промышленности сельского хозяйства, должен вырасти вдвое. Но это еще не все. Помимо этого, в России должны появиться предприятия пока отсутствующих в нашем отечестве отраслей. Необходимо развивать производство оптического стекла и оптических приборов, точной механической аппаратуры, то есть часов и хронометров, а также будущего главного оружия империи, металлического алюминия и синтетической аммиачной селитры...

В ответ на непонимающий взгляд своего гостя Одинцов пояснил, что у тех, кто внезапно появился в Порт-Артуре пять месяцев назад, есть методы относительно дешевого производства и того и другого. Но это секрет государства Российского, и будет таковым оставаться еще десять-пятнадцать лет. Как применить к делу алюминий, Савва Морозов пока не знал, но вот про аммиачную селитру все понимал достаточно хорошо. Искусственное ее производство из дешевого и доступного сырья, да еще и в больших количествах – это же все равно что получать золото из свинца. Богатство неимоверное... Но и это было еще не все. В следующий момент канцлер империи продолжил свои речи, после чего выяснилось, что и о поддержке Саввой разных оппозиционеров, вроде большевиков и либералов-конституционалистов, ему тоже хорошо известно.

– С одной стороны, – сказал Одинцов, – с вами и вашим ведомством будут сотрудничать министр земледелия господин Столыпин и пока еще не определенный новый министр финан-

сов (несколько подходящих имен господин Менделеев должен назвать чуть позже). Министр земледелия, помимо всего прочего, будет руководить большой переселенческой программой, призванной перебросить на слабозаселенные земли Сибири и Дальнего Востока за те же десять лет примерно двадцать миллионов крестьянских душ. С другой стороны, с вами должен взаимодействовать министр труда, с которым пока есть определенные проблемы. Вообще-то мы планировали назначить господина Ульянова, главного редактора нелегальной большевистской газеты «Искра», финансируемой одним российским предпринимателем, неким Саввой Морозовым. Разумеется, это назначение может состояться только в том случае, если господин Ульянов сумеет отрешиться от своей догмы об обязательном низвержении самодержавия и сосредоточится исключительно на борьбе за права рабочего класса. Задача этой борьбы архинужная и архиважная. Деньги, эта кровь экономики, не должны оседать в кубышках толстосумов и банковских хранилищах, а, пройдя через руки предпринимателей, должны снова поступать в оборот – либо в виде жалования рабочим, либо в виде налогов государству, либо в виде затрат на расширение производства. Но вернемся к господину Ульянову. Разумеется, это сложный человек, но, как нам сообщили, у вас есть на него влияние, не может не быть. Скажите, Савва Тимофеевич, это действительно так?

Получив вопрос в лоб, Савва не знал, что и сказать. Соврать явно не получится, ведь господину канцлеру уже известно, что он финансирует большевиков, а говорить правду было боязно...

– Ладно, – махнул рукой Одинцов, правильно поняв эту заминку, – можете не отвечать, нам и так все известно. Ведь, наряду с вашими коммерческими и организационными талантами, ваш статус сочувствующего в партии большевиков имел немаловажное значение при приглашении вас на должность министра экономики. На этом месте нам не нужен такой деятель, который за денежными потоками, миллионами пудов железной руды и каменного угля, объемами выплавляемой стали и прочими экономическими показателями не увидит живых людей, без которых все это пустой звук.

Вздыхнув, канцлер империи вытащил из ящика стола сложенный вчетверо лист бумаги и передал его Савве Морозову.

– Вот вам список персон, – сказал он, – с которыми желательно наладить сотрудничество. Там и упоминавшийся уже господин Ульянов, и ваш сотрудник господин Красин, а также другие господа, с которыми вы пока не встречались. Считайте это вашим первым заданием на государственной службе. Часть из них мы определим в министерство Труда, часть распределим по другим ведомствам, а господина Красина, к примеру, вы можете забрать к себе в министерство Экономики. Приступайте к работе поскорее, потому что время не ждет. В случае хотя бы минимального успеха могу гарантировать вам чин третьего класса табели о рангах, а также графский титул для вас и ваших детей. И, ради Бога, Савва Тимофеевич, прекратите играть с господами либеральными контитуционалистами. Честное слово, лучше вляпаться в дерьмо, чем в эту липкую и противную субстанцию. Сколько бы времени ни прошло, а слово «либерал» будет звучать как самое грязное ругательство. Надеюсь, вы меня поняли...

Полчаса спустя Савва Морозов вышел из Зимнего дворца и надел на голову шляпу. От пережитых неожиданных впечатлений голова у предпринимателя и мецената гудела как колокол, поэтому, немного пошатываясь и опираясь на трость, он направился в сторону гостиницы. Первым делом теперь ему нужно было вернуться в Москву и там встретиться с товарищем Красиным. Начиналась новая жизнь, и пока было непонятно, во что все это может вылиться.

[5 августа 1904 года, 17:45. Санкт-Петербург, Зимний дворец, Готическая библиотека.]

Это был первый визит экс-императора Николая в Зимний дворец за последние пять месяцев. Все это время, начиная с момента кончины императрицы Александры Федоровны, русский монарх провел в добровольной самоизоляции, подальше от шума буйной столицы, не желая и носа казать в Зимний дворец, где они с Аликс, как ему хотелось думать, счастливо прожили десять лет своего супружества. Да и сейчас явился экс-император в Зимний дворец инкогнито, потому что в противном случае версия с тяжелым ранением во время покушения рушилась как карточный домик. Вместе с Николаем для сверки часов из Царского села прибыли каперанг Иванов и госпожа Лисовая. Им было о чем попросить государыню, и было в чем повиниться.

В первую очередь, двоим из них предстояло объясниться перед императрицей из-за Великого Княжества Финляндского, по чьему-то недосмотру не попавшего в Манифест об отречении от престола. Или не совсем по недосмотру? Вот в этом еще предстояло разобраться отдельно.

– Ваше Императорское Величество, – в ответ на прямой вопрос склонил перед императрицей голову капитан первого ранга Иванов, – прошу меня простить, но это моя вина. По линии Службы Имперской Безопасности была получена информация о том, что одновременно с мятежом Владимировичей наши заклятые друзья англичане готовятся инспирировать волнения в Великом Княжестве Финляндском с целью отторжения этого территориального образования от Российской империи. Убийство графа Бобрикова случилось совсем недавно, и, так как за него никто не понес ответственности, у господ финских националистов могло от безнаказанности снести крышу. В момент присяги Вашему Императорскому Величеству был вполне возможен отказ от нее финского чиновничества с последующим призывом к общему неповиновению и даже вооруженному мятежу. Князь Оболенский, сменивший покойного графа Бобрикова на должности исполняющего обязанности финляндского генерал-губернатора, в деле противостояния смуте – это даже меньше чем ничто, и потому мы с капитаном Мартыновым пришли к выводу, что отречение по Великому княжеству Финляндскому было бы неплохо немного задержать. Случилось это уже после того, как вы все покинули Цусиму, а следовательно, оказались вне пределов надежной шифрованной связи, так что без разглашения сути вопроса на весь свет не было никакой возможности поставить в известность о таком ходе вас с Павлом Павловичем. Тогда я подумал, что если это будет необходимо, отречение от трона Великого Княжества Финляндского можно произвести и позже, в любое удобное для вас время... И наоборот – если в случае отречения Николая Александровича от трона в Великом Княжестве начнутся волнения, а сенат и секретариат (парламент и правительство) откажутся присягать вам – например, на том основании, что вы женщина, – то отменить Манифест об отречении будет уже невозможно, да и бесполезно. Результат оказался налицо: никаких волнений в Гельсингфорсе при вашем воцарении не произошло, ибо для того не было удобного момента...

В полной тишине императрица выслушала покаянную речь капитана первого ранга Иванова, потом внимательным взглядом посмотрела сначала на него, потом на своего брата.

– Павел Павлович, – спросила она у своего канцлера, – а у вас какое мнение по данному вопросу?

– С этим несуразным полунезависимым государством, – ответил Одинцов, – все равно требовалось что-нибудь сделать: или отпустить совсем, или непосредственно присоединить к территории Российской Империи. Отпускать – это значит разбрасываться Кемскими волостями, что совершенно неприемлемо. В то же время попытка присоединения может вызвать возмущение у местной элиты и вспышку насилия со стороны финских националистов, кото-

рые пока находятся за кадром местной политики. Для открытого возмущения им нужен только повод. Насколько я понимаю, действия каперанга Иванова дезориентировали этих людей, которые не могут теперь привязать свое выступление к смене верховной власти. В нашем будущем времени, несмотря на так расхваливаемую либералами представительную демократию (а может, и благодаря ей), нередки мятежи, приуроченные к моменту смены власти, когда уходящий президент или премьер уже превращается в отработанный материал, а идущий ему на смену еще не принял на себя все полномочия. Будьте уверены, что вероятность мятежа в случае отречения Николая Александровича от короны Великого Княжества Финляндского так же высока, как и десять дней назад. Лидеры сепаратистов в любом случае сделают все, чтобы сорвать процесс передачи власти и учинить мятеж...

– Так, значит, – спросила Ольга, – вы, Павел Павлович, одобряете то, что сделал господин Иванов?

– Я не то чтобы одобряю, – честно ответил Одинцов, – я просто не вижу иного выхода, если, конечно, сразу после завершения русско-японской войны мы не хотим устроить еще и русско-финскую, то есть подавление националистического мятежа, с кровавым исходом...

– Очень хорошо, Павел Павлович, – сказала Ольга, – по правде говоря, все это весьма и весьма кстати. Мы давно думали о том, что наш брат, по доброй воле оставивший нам престол, нуждается в каком-нибудь удельном столе для кормления. Бывший Всероссийский Император ни в коем случае не должен превращаться в обычного обывателя. Это совершенно исключено. Думаю, что мы вполне можем сохранить за нашим братом должность и титул Великого Князя Финляндского с тем, чтобы после его смерти финский престол перешел к его старшей дочери – при условии, что после вступления в брачный возраст девушка выйдет замуж за подданного Российской Империи. Брат, готов ли ты принести мне, то есть нам, вассальную присягу за себя и свое потомство?

– Да, сестра, – произнес экс-император Николай, подходя к императрице и вставая перед ней на одно колено, – за себя и своих детей я клянусь, что буду служить тебе верой и правдой.

– Встань, брат, – сказала Ольга, беря руки экс-императора в свои ладони, – я принимаю твою клятву. Господин Иванов, проявив такую предусмотрительность, вы поступили совершенно правильно, поэтому мне не за что вас прощать. Надеюсь, что вы и дальше будете состоять при особе моего брата, чтобы подавать ему верные и своевременные советы. Пусть Великое Княжество Финляндское по размеру значительно меньше, чем Российская Империя, но я думаю, что править им будет даже сложнее...

– Сестра, – неожиданно сказал Николай, который выглядел несколько смущенным, – у меня есть к тебе одна просьба...

– Я догадываюсь, – кивнула Ольга, улыбнувшись одними глазами. – Ты хочешь, чтобы я разрешила твой брак с госпожой Лисовой?

– Да, – подтвердил экс-император, – хочу! Алла Викторовна – добрая, красивая, добропорядочная женщина, которая сможет стать для меня достойной спутницей жизни, а моим дочерям второй матерью. Она уже подружилась с моими девочками, и теперь они в ней просто души не чают. Конечно, ее происхождение не совсем соответствует остальным ее достоинствам, но я надеюсь, что ты будешь выше этого. В конце концов, я теперь уже не император Российской империи, а она – ученая, доктор технических наук, а не актриса и не приказчица в дамском магазине⁹...

– Происхождение ничто, – хмыкнула Ольга, – зато душа все! За заслуги перед Империей в деле продвижения новых технологий и пополнения казны я жалую госпожу Лисовую графским

---

⁹ экс-император Николай Второй апеллирует к нашему времени и к таким персонажам его истории, как Грейс Келли и Меган Маркл.

титолом и даю вам разрешение на брак. Dixi! Желаю тебе, Ники, счастья в личной жизни, любви и благополучия, а твоей будущей супруге стойкости и мужества.

Императрица усмехнулась и добавила:

– Знаешь, Ники, я знакома с Аллой Викторовной гораздо дольше, чем ты, и уверена, что лучшей жены тебе не найти. С нею ты всегда будешь любим и обихожен, что бы ни происходило; и именно она, а не ты, будет той каменной стеной, которая отделяет вашу семью от жизненных невзгод. Но это еще далеко не все. Также я уверена, что пройдет совсем немного времени – и несчастные чухонцы будут скрестись у меня под дверью, умоляя, чтобы я взяла Финляндию под свое прямое покровительство и избавила их от Рыжей Акулы. Но я этого никогда не сделаю, в том числе и потому, что Алла Викторовна – это их Божье наказание, которое им следует перетерпеть. В противном случае, если у тебя, твоей жены или у твоих девочек с головы упадет хоть один волос – я обещаю, что положу это землю пусту, а всех чухонцев переселю в самую глубокую Сибирь к их дальним родичам осякам и вогулам. Пусть ведут себя прилично и трепещут. Я настолько свирепа, что иногда сама себя боюсь. Ну а если серьезно, то больше доверяй своей супруге. По большей части она знает, что делает и все, за что она берется, получается очень хорошо. Также слушай советов господина Иванова – он поможет тебе там, где окажется бессильно женская хитрость и изощренный ум твоей жены. Великое княжество Финляндское – это очень тяжелый участок работы, но думаю, что втроем вы с ним справитесь.

[Тогда же и там же. Коммерческий директор АОЗТ «Белый Медведь» д.т.н. Лисовая Алла Викторовна.]

Итак, я теперь графиня. Вот так просто, по велению императрицы Ольги, пожелавшей наградить меня за успехи, я приобрела графский титул – то есть выбралась из простолюдинок в аристократки... Странно мне как-то и неуютно быть в этом титуле, хотя это, наверное, только с непривычки. Или нет... Если задуматься с высоты самосознания человека третьего тысячелетия, так получается, что все эти титулы – вздор. Любому моему современнику ясно, что именно разделения людей на сорта создает и поддерживает неравенство, то есть несправедливость. Получается, что я как простой человек не имею такой ценности, как человек с титулом, несмотря на все мои качества и заслуги... Да, неправильно это. Но невозможно не признать, что здесь, в начале двадцатого века, без этого никак не обойтись. ПОКА не обойтись. А потом... потом, мне кажется, в этом плане что-нибудь изменится. Потому что мои современники, среди которых и Одинцов, и Иванов, и прочие – воспитаны в тех же традициях, что и я, и мыслят теми же категориями. А пока буду повторять себе, что я отныне «графиня Лисовая», преодолевая неприятие и желание расхохотаться. Но местные все эти игры воспринимают всерьез, и это надо учитывать.

Вообще сегодняшняя встреча с императрицей оставила во мне сильные впечатления. Я смотрела на Ольгу – и не узнавала ее. Куда девалась та робкая девочка, с которой мне довелось общаться на Элиотах? Тогда она была такой удивленной, растерянной, старательно ищущей себя на руинах прежней жизни... Сегодня нас встретила уверенная в себе молодая женщина – саркастичная, здравомыслящая, отважная и решительная. Одним словом, второе издание императрицы Екатерины Великой. Изменилось в ней все: осанка, поворот головы, жесты рук, выражение глаз. Удивительно преобразилось ее лицо. Теперь оно выражало поистине царское достоинство и властность, мудрость и авторитет. При взгляде на нее становилось понятно, что теперь Российская Империя в надежных руках. А уж Канцлер Одинцов не даст свернуть с намеченного курса... Я знаю Павла Павловича уже давно, наверное, лет пять – и убеждена, что он с легкостью справится со своей канцлерской работой. Он как будто нашел свое место, специально устроенное прямо для него, чтобы собрать вокруг себя единомышленников (Ольгу, Михаила, полковника Новикова и других) и возглавить их для того, чтобы хоть в этом мире Россия стала воистину великой мировой державой.

Впрочем, и я скоро тоже стану уже Великой княгиней Финляндской – а это покруче, чем графиня, так-то... Я стану кем-то вроде королевы, наполовину самовластной государыней. Буду управлять целой страной... Вместе с мужем, разумеется; ну да Николай не особо-то увлекается процессом правления, так что весь груз ответственности ляжет на мои хрупкие плечи... Впрочем, это я ерничаю. Плечи у меня отнюдь не слабые, я как раз как та русская баба, которая свернет горы, остановит на скаку слона и оторвет ему хобот. Не зря же за остроту и быстроту мышления, а также за решительность действий меня прозвали Рыжей Акулой. Собственно, в рисующейся перспективе меня больше всего смущают титулы... Что же касается моей будущей «королевской» должности, то тут я в себе уверена. Хотя Ольга, уже неплохо освоившая «нашу» терминологию, сказала, что Финляндия – это «очень сложный участок работы», я думаю, что эта задача мне по плечу. С директорским постом справилась – ну и это мне под силу. Думаю, что смогу найти ту грань, что отделяет жесткость и справедливость от деспотичности. Правда, каждого об этих понятиях свое представление, но я уверена, что сумею не перегнуть палку... Тем более что мне в помощь будет и авторитет Николая, и стоящая за его спиной огромная Российская Империя, и вся наша рать пришельцев из будущего, которая, несомненно, придет на помощь, если вдруг дела наши станут складываться не лучшим образом.

Ну а вообще, если мысленно проследить весь тот путь, что я прошла с момента попадания в этот мир, то от такой головокружительной «карьеры» просто приходишь в шок. Нет, конечно же, все логично и правильно, но поражает то, кем я была ТАМ, и кем стала ЗДЕСЬ... Я не о титулах. Я о внутреннем преображении – а все остальное именно из этого и проистекает. Алла Лисовая пять месяцев назад и она же сейчас – это две разные женщины, и с этим приходится смириться. И вообще, даже страшно подумать, кем я стану через два-три года, или, к примеру, лет через десять. Быть может, тогда меня перестанут смущать мои дурацкие титулы – как те, которые я заработала лично, так и те, что мне принесет замужество за Николаем. Ведь, выходя «в город», ношу же я местные ужасно неудобные дамские одежды, несмотря на то, что прежде при одном виде этой архаики меня разбирал смех. Вот так и с титулами. Как говорили древние: если собрался поехать в Рим, то веди себя как римлянин.

Ну а еще я по-сумасшедшему счастлива, и с трудом это скрываю. Правда, сегодня мне показалось, что Ольга догадывается о том, что произошло между мной и Николаем... Ну да это ничего. Одно я знаю точно – «неудобных» вопросов мне никто задавать не будет. Здесь это не принято; а еще мы с Николаем взрослые люди, которым не нужно читать нотации о нравственности. Правда, еще остается его мамаша Вдовствующая императрица Мария Федоровна – а это еще та мегера, репутация у которой ничуть не лучше моей. В местном обществе ее за глаза зовут Гневной, а это значит, что однажды мы схлестнемся как бы в борьбе за ее сына. Она меня старательно не замечает, а я избегаю таких мест, где могу столкнуться с этой женщиной. Мне очень хорошо, и не стоит портить это бескрайнее счастье какими-нибудь скандалами и конфликтами.

Правда, эйфории я предаюсь лишь в те редкие моменты, когда меня никто не видит. Только тогда я могу позволить себе глупо и мечтательно улыбаться... Потому что ничто не сравнится с тем ощущением, когда ты нашла «своего» мужчину. И совершенно неважно, кто он – князь, император, художник или водопроводчик, беден он или богат, знатен или безроден. Любовь! Если она настоящая, она не смотрит на такие мелочи...

**[7 августа 1904 года, 12:15. Санкт-Петербург, Зимний дворец, кабинет Канцлера Российской Империи
Директор департамента окладных сборов
Министерства Финансов Николай Николаевич Кутлер¹⁰.]**

После случившегося недавно дворцового переворота жить в Петербурге для интеллигентного человека становилось просто страшно. Гильотины на площадях еще не стояли и фонарные столбы использовались только по прямому назначению, но аресты непосредственных участников гвардейского мятежа и всех причастных к заговору Владимировичей шли полным ходом. Одетые в черные мундиры сотрудники госбезопасности заходили в дома или хватали людей прямо на улицах, после чего черные кареты отвозили тех в Петропавловскую крепость – надо полагать, для пыток и последующих казней. Особенно страшные слухи ходили о торчавшей над крепостными стенами дымовой трубе, время от времени принимавшейся извергать из себя жирный черный дым. Говорили, что гвардейцы, вышедшие к Николаевскому вокзалу, восстали как раз против тирании имперской безопасности, арестовывавшей людей по малейшему подозрению в причастности к финансированию террористической деятельности.

Николай Николаевич Кутлер был как раз человеком прогрессивных либеральных взглядов и категорически не одобрял любой диктатуры, с какой бы стороны она ни исходила. И вдруг этим утром через фельдкурьера он получает оформленное по всем правилам вызов-приглашение в Зимний дворец на аудиенцию к канцлеру Одинцову. По правде говоря, новоявленного диктатора, стоявшего за тронем неопытной молоденькой девчонки-императрицы, Николай Николаевич еще ни разу лично не видел, но воображал себе самое страшное. Говорят, иные и вовсе обмирали под взглядом этого человека, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Впрочем, никакой вины перед Государем, или, точнее, Государыней и Отечеством господин Кутлер не чувствовал, а потому шел на эту встречу без особого мандража. Да и идти-то там было примерно полторы версты или треть часа неспешным шагом. Сначала следовало выйти из Николаевского дворца (в котором и располагался Департамент Окладных Сборов) на Галерную улицу, потом, свернув к Неве по Замятину переулку, выйти на набережную и пройти мимо Сенатской площади и Адмиралтейства к Зимнему дворцу. А потом – всего-то делов – показываешь часовому на входе приглашение как пропуск, и дальше местные дворцовые аборигены доведут тебя до места.

Вроде бы просто, но для некоторых дорога к канцлеру может быть равна пути на Голгофу. Вот так пару дней назад сходил в Зимний дворец господин Коковцов; после разговора с канцлером он не отправился обратно на службу (главное здание Министерства Финансов располагалось там же, на Дворцовой площади) и не пошел домой, на квартиру, а в черной арестантской карете был доставлен в Петропавловскую крепость. А там, понятно что – «оставь надежды всяк сюда входящий». Войти внутрь легко, а вот выйти обратно куда тяжелее. Впрочем, кому, как

---

¹⁰ Николай Николаевич Кутлер, не женат, происходит из семьи обрусевших немцев, возраст 45 лет, в 1882 году окончил юридический факультет Московского университета, потом три года работал помощником присяжного поверенного, а затем перешёл на государственную службу, где занимал должности: податного инспектора, управляющего казённой палатой, вице-директора, а затем директора Департамента окладных сборов Министерства финансов. Г-н Витте, характеризовал г-на Кутлера как одного из наиболее деловых сотрудников Министерства Финансов и как человека чистого и вообще весьма порядочного... В устах прожжённого жулика и интригана такая характеристика стоит весьма дорогого. В нашей истории после наступления Советской власти бывший кадет Кутлер не эмигрировал и не ушел в отказ, а продолжал сотрудничать с Советской властью как чистый «спец», несмотря на то, что его четыре раза арестовывало ВЧК. Подпись этого человека в числе прочих стояла на червонцах 1922 года, с которых началась нормализация денежного обращения и вообще НЭП. Лидер кадетов Миллюков, находясь в эмиграции писал, что «Николай Кутлер при Николае II, как и при Ленине, служил государству, как «спец», – и служил именно государству, а не личности правителя».

не непосредственному подчиненному министра финансов, было не знать, в чем и насколько грешны как господин Витте (который первым очутился в Петропавловских казематах), так и его товарищ (заместитель) и последующий преемник господин Коковцов...

У Николая Николаевича почему-то была уверенность, что с ним самим во время визита к канцлеру ничего страшного не произойдет. У него-то в Департаменте окладных сборов полный порядок, да и не будет целый канцлер вызывать столь мелкого чиновника для разноса, ибо для этих целей существует министр. И неважно, что эта должность пока вакантна. Вот как назначат нового министра финансов – так тот и начнет все переставлять по своему вкусу; и хорошо, если перемены коснутся только мебели в министерском кабинете...

Так и вышло. Часовой, едва увидев карточку-приглашение, скользнул взглядом по какому-то списку, и после этого вызвал по телефону дежурного слугу, который и сопроводил господина Кутлера к двери канцлерского кабинета. Ждать под дверью тоже не пришлось. Николаю Николаевичу почему-то вспомнилось, что пресловутый Аракчеев тоже был сволочь и гад, только люди у него аудиенции не ждали. Не имел он такой привычки – морить посетителей в приемной только ради своего самоудовлетворения. Вот господин Одинцов тоже велел пропустить его, Кутлера, немедля, а не помариновал пару часиков в коридоре под стенкой...

Вот за слугой с обратной стороны закрывается дверь, а канцлер Одинцов внимательно смотрит на визитера.

– Здравствуйтесь Ваше Высокопревосходительство, – с замиранием в голосе говорит Кутлер, – вот, прибыл согласно вашему распоряжению.

– Здравствуйтесь, Николай Николаевич, – отвечает ему канцлер, – очень рад вас видеть. Дмитрий Иванович, я имею в виду Менделеев, очень хорошо об вас отзывался, как об исполнительном, аккуратном и честном чиновнике по финансовой части... И не он один. А еще один наш общий знакомец отрекомендовал вас как человека, который при любом государе будет служить только России, и больше никому. И именно это свойство, вкуче с прочими качествами вашей личности, делает вас незаменимым человеком для решения важнейшей задачи государственного масштаба.

В ответ – изумленная пауза длиною в несколько секунд, и наконец господин Кутлер, растерянно моргая, пробормотал:

– Ваше Высокопревосходительство, к чему вы это говорите, я вас не понимаю...

– Да вы расслабьтесь, Николай Николаевич, и садитесь вон на тот стул, – сказал Одинцов. – Дело в том, что Российской Империи необходим новый министр финансов вместо господина Коковцова, который оказался замешан во многих нехороших делах. И даже если ему удастся выпутаться из предъявленных обвинений, мы все равно не сможем доверять этому человеку, так как расходимся с ним по фундаментальному вопросу: Россия должна служить капиталу или капитал России. Мы придерживаемся мнения, что именно капитал должен служить развитию нашей страны, а господин Коковцов исповедует противоположную точку зрения – и этот факт делает его кандидатуру неприемлемой для занятия одной из важнейших правительственных должностей.

– Ваше Высокопревосходительство... – тихо произнес Кутлер, неловко садясь на указанное место; от волнения он даже вспотел. – Так вы, значит... если я правильно понял... хотите назначить министром финансов именно меня?

– Да, именно Вас, Николай Николаевич, – ответил канцлер, – и перестаньте называть меня Высокопревосходительством. У меня, в конце концов, есть имя-отчество, и не притворяйтесь, что вы их запомнили.

– Хорошо, Павел Павлович, – сказал Кутлер утирая лоб большим клетчатый платком, извлеченным из кармана, – я вас понял. И все равно это для меня слишком уж неожиданно. Ведь я всего лишь директор департамента в означенном Министерстве Финансов, и даже еще ни разу не занимал должность министра...

– Сейчас, Николай Николаевич, – сказал Одинцов, – когда Российская Империя ждет от вас самоотверженной и тщательной работы, совсем не время отсиживаться на тихой и спокойной должности. Справитесь с поставленной задачей – и ваше будущее на многие годы вперед, а может быть, и до самой смерти, станет ясным и безоблачным. Не справитесь – ничего страшного, не все сразу; мы понимаем, что у вас нет опыта для работы на министерском посту. И только одного мы можем не простить – предательства Отечества или прямого обмана. Ну что, Николай Николаевич, надеюсь, вы согласны?

– Да, Павел Павлович, – произнес Кутлер, решительно кивая и выпрямляя спину, – я почти согласен. Но сперва расскажите подробнее – в чем именно вы не сошлись с господином Коковцовым и что я должен исправить? А то ведь вы можете не сойтись мнениями уже со мной, ведь вместе с означенным господином я работаю в министерстве финансов уже десять лет...

– В первую очередь, – сказал Одинцов, – мы не сошлись с господином Коковцовым и его предшественником и начальником Витте в оценке роли золотого стандарта в развитии экономики России. Мы считаем, что обязательное стопроцентное покрытие рубля золотом тормозит развитие российской промышленности и торговли, а господин Коковцов считает, что, наоборот, ускоряет.

– Ну, как бы вам сказать, Павел Павлович... – задумчиво ответил Кутлер. – Я, как и господин Коковцов, тоже считаю, что возможность разменивать российские рубли на золото в неограниченном количестве ускоряет промышленное развитие России, ибо позволяет зарубежным промышленникам и предпринимателям вкладываться в наши предприятия, а также облегчает международную торговлю...

– Это только с одной стороны, – возразил Одинцов, – а с другой стороны, требование стопроцентного золотого покрытия валюты сжимает денежную массу, из-за нехватки денег затрудняет расчеты внутри страны и ограничивает рост части экономики, рассчитанной на внутреннее потребление. Золотой рубль выгоден тем предпринимателям, которые вывозят из России хлеб и необработанное сырье, ввозят готовые товары, а также иностранным инвесторам, устроившим тут заводы с целью воспользоваться дешевой рабочей силой и желающим по мере получения прибыли репатриировать ее по месту своего постоянного проживания. Зато промышленникам, нацеленным на внутренний рынок, и государству золотой рубль невыгоден. Дело в том, что совокупная сумма производимых для внутреннего потребления товаров и оказываемых услуг, разделенная на среднегодовую оборачиваемость рубля, тоже является средством для обеспечения денежной массы, из чего следует, что каждый золотой рубль, оборачивающийся внутри страны, имеет двойное, а быть может, даже и тройное обеспечение. Один раз он обеспечен золотом, и еще один или два раза – товарами и услугами. Цель нашего правительства – быстрый промышленный и сельскохозяйственный рост, но количество золота в обороте просто невозможно увеличивать теми же темпами, какими может расти количество выпускаемых товаров. Простейшая же задачка. Если количество денег в экономической системе остается неизменным, а количество товаров быстро растет, то без резкого увеличения скорости денежного оборота мы будем наблюдать дефляцию, то есть падение цен на выпускаемые товары, что вызовет убытки производителей, приводящие к их разорению. Обойти это условие можно только в том случае, если годовое положительное сальдо внешней торговли будет превосходить годовой же прирост внутреннего потребления. – Одинцов сделал паузу и, внимательно глядя на глубоко задумавшегося собеседника, спросил: – Ну как, Николай Николаевич, возможна такая ситуация в нашей экономике в обозримом будущем или нет?

Кутлер встрепенулся и отрицательно покачал головой.

– Пожалуй, нет, Павел Павлович, – сказал он, разводя руками. – Сальдо внешней торговли, насколько я понимаю, у нас пока отрицательное... Вывозятся дешевые хлеб, необработанный лес и немного пушнина, не имеющая решающего значения, а ввозятся дорогие товары машинной выделки и станки, в которых имеется большая потребность. Откуда же при таких

условиях взяться положительному сальдо? И так уже некоторые кричат, имея в виду хлеб: «недоедим, но вывезем». Как будто это им придется недоедать – при том, что то тут, то там мужики и так уже голодают...

Одинцов кивнул.

– Вот именно, Николай Николаевич, – сказал он, – из-за отрицательного сальдо внешней торговли, которое невозможно исправить по указанной мною выше причине, министерство финансов вынуждено либо сокращать денежную массу на объем утекшего за рубеж золота, либо брать в том же золоте стабилизационные кредиты. В одном случае это грозит кризисом неплатежей, в другом – кабалой у международных банковских домов, в частности Ротшильдов, ибо эти кредиты невозвратные. Сначала господине Витте, а потом господин Коковцов набрали во Франции кредитов, и собирались брать еще, если бы за эти свои деяния не очутились в Петропавловке. Теперь перед новым министром финансов – то есть перед вами – стоит задача так отладить эмиссию рублевой массы, чтобы импортно-экспортные операции покрывались золотом, а внутренняя торговля – оборачиваемыми товарами отечественного производства. Над тем, чтобы эти товары в обороте имелись, будет работать наверняка уже известный вам Савва Морозов, недавно назначенный руководить новосозданным Министерством Экономического Развития. Необходимо так сбалансировать эмиссионную политику, акцизы, транспортные и таможенные тарифы, чтобы производить товары внутри России было выгодно, и чтобы наши местные промышленники были защищены от неоправданной конкуренции своих европейских коллег. Необходимо добиться максимальной скорости роста русской экономики, при этом сумев выпутать государство из тех долгов, в которые его втравили Витте и Коковцов. Задача понятна?

Кутлер кивнул.

– Не скажу, что это будет просто, – ответил он, – но я приложу для того все усилия. Сказать честно, к такому взгляду на золотой стандарт из нас никто еще не приходил...

– А то как же, Николай Николаевич, – сказал Одинцов, – при переходе от феодализма к капитализму во всем мире происходил переход от звонкой монеты к частично обеспеченным или совсем не обеспеченным золотом и серебром бумажным деньгам. Тут главное – не перегнуть палку и не вызвать перепроизводства бумажных денег, сиречь гиперинфляции... Ну вы меня поняли. Сейчас идите в свой департамент, сдавайте дела своему вице-директору, а завтра с утра отправляйтесь в министерство и приступайте к работе. Время не ждет.

[9 августа 1904 года, 12:15. Санкт-Петербург, Петропавловская крепость Подполковник СИБ Евгений Петрович Мартынов и товарищ Коба.]

Увидев Кобу, неловко вылезавшего из тюремной кареты, подполковник Мартынов подумал, что в неделю времени, взятого для предварительного разбирательства с революционерами, как он сгоряча обещал императрице Ольге, ему уложиться не удалось. Нет, предварительный доклад в письменном виде он составил уже на следующий день и, согласовав его с канцлером Одинцовым, подал на высочайшее рассмотрение. Доклад вернулся уже на следующий день с императорским вердиктом: «Быть посему, Ольга». И тогда Мартынов, не имея возможности кинуться в этот вояж самолично, снарядил на Кавказ особый литерный поезд с охотничьей командой. У старшего команды имелся приказ без особого шума изъять Кобу, где бы он ни находился, после чего со всей возможной вежливостью доставить в Петербургскую штаб-квартиру СИБ.

Но в Батуме, где Коба должен был под чужим именем чалиться в тюрьме за организацию стачки на нефтеперегонном заводе Ротшильда, его не оказалось. Успели выпустить за малозначительностью деяния. Тогда команда посетила Тифлис, где людям Мартынова все же улыбнулась удача. Иосиф Джугашвили был стопроцентно идентифицирован, после чего поздно вечером захвачен прямо на улице, усажен в закрытый экипаж и доставлен к поезду на вокзал. При этом спецкоманда СИБ не выдала местным жандармам тайную Авлабарскую типографию большевиков, знание местоположения которой и помогло госбезопасникам выйти на будущего Отца Народов. Да и не до этого им было. Едва господин Джугашвили оказался в предназначенном для него вагоне, к литерному поезду подали паровоз – и короткий эшелон из пяти вагонов отбыл на Баку.

В дороге с Кобой, когда он пришел в себя, никто не разговаривал. Оперативники охотничьей команды, все как один в масках, только кормили своего подопечного и водили его в сортир, соблюдая при этом правила вежливости. Все объяснения – уже в пункте назначения. Любой нормальный человек в таких условиях озверевает от неизвестности, но у Кобы нервы были как стальные канаты. На Николаевском вокзале северной столицы литерный поезд загнали на запасные пути, где крайне важного пассажира со всей предосторожностью пересадили в черную тюремную карету с маленькими зарешеченными окошечками. Коба принял эту операцию без единого стога, и вскорости уже был доставлен в Петропавловскую крепость. Выгрузившись из экипажа, он огляделся; и первое, что бросилось ему в глаза – это вздымающийся к небесам шпиль Петропавловского Собора... Только потом он увидел встречающих его офицеров в черных мундирах новой Тайной Канцелярии. Все, приехали. Из этого места скорби с безжалостными палачами выход возможен только ногами вперед. В этот момент Коба почувствовал себя трагическим героем, эдаким прикованным к скале Прометеем, которого сейчас должны схватить злые силы, чтобы подвергнуть ужасным пыткам.

Но никто никого не схватил и ничему не подверг. Один из офицеров, совсем еще молодой, но уже в подполковничьих погонах, подошел к Кобе и отрекомендовался:

– Подполковник службы имперской безопасности Евгений Петрович Мартынов, заместитель начальника сего богоугодного заведения. Приветствую вас, товарищ Коба, на земле нашей центральной штаб-квартиры.

Наверное, Коба счел это заявление особо утонченным издевательством – и потому ничего не ответил кровавому царскому саграпу, имя которого на тот момент знала уже вся страна. Но

кровавый сатрап на Кобу не обиделся. Он, собственно, заранее знал, что его будущий клиент с характером.

– Товарищ Коба, – сказал он, – у нас к вам есть очень важный разговор...

– Я об этом догадываюсь, господин Мартынов, – с сильным кавказским акцентом ответил Коба, – иначе зачем ваши держиморды меня сюда везли. Ну что же, ведите меня в свои пыточные, но сразу говорю, что я вам все равно ничего не скажу.

Выслушав это заявление, Мартынов разразился чистым, ничем не замутненным смехом.

– Ну и чего вы так смеетесь, господин Мартынов? – недоуменно спросил Коба, – неужели я сказал что-то смешное?

– Как вам сказать, товарищ Коба... – ответил Мартынов, – комики в варьете тут бывают гораздо смешнее. Пристрастился, знаете ли, посещать их выступления в свободное от душения свободы время, прошу прощения за каламбур. Дело в том, что никто не собирается вас не только пытаться, но и даже просто допрашивать. Нам это неинтересно, ибо знаем мы о партии большевиков даже немного побольше вашего. Так уж, простите, сложились обстоятельства.

– А чего тогда вы хотите, господин Мартынов? – недоуменно спросил Коба и добавил: – и перестаньте называть меня товарищем Кобой, ибо жандарм, как вы, настоящему большевику не товарищ...

– Ладно, Иосиф, – погасив улыбку, ответил Мартынов, – поговорим серьезно. Вы не поверите, но мы хотим именно этого – то есть просто поговорить с вами, после чего возможны самые благоприятные варианты – как для вас лично, так и для вашей партии.

– Господин Мартынов, – ответил хмурый Коба, – я вас не понимаю. Если вы хотите сделать из меня провокатора, то напрасно стараетесь. Я никогда не пойду на сотрудничество с душителями свободы.

– И опять вы не угадали, – ответил Мартынов, – провокатора мы из вас делать не собираемся. Если вы об этом не забыли, нам и так ведомы все тайны вашей партии. Впрочем, что мы тут стоим и разговариваем на ногах, как два коня, которые все делают стоя. Думаю, что у меня в кабинете за брусничным чаем с баранками и без посторонних ушей беседовать будет не в пример удобнее.

В ответ Коба только равнодушно пожал плечами, как бы показывая, что он в этом месте не хозяин и не ему решать, где и как будет проходить дальнейшая беседа.

**[Четверть часа спустя. Санкт-Петербург,
Петропавловская крепость, кабинет замначальника СИБ
Подполковник СИБ Евгений
Петрович Мартынов и товарищ Коба.]**

– И все-таки, господин Мартынов, – спросил Коба, войдя в кабинет, – если вы не собираетесь делать из меня провокатора, то зачем я здесь? Зачем был нужен весь этот спектакль с моим похищением и срочной доставкой в Петербург?

– Вы не поверите, Иосиф, – немного насмешливо улыбаясь, ответил Мартынов, – но мы хотим заключить союз – с партией большевиков вообще и с вами лично в частности.

– Господин Мартынов, – воскликнул Коба, – а вы часом не сошли с ума? Как это мы, большевики, будем заключать союз с жандармами и душителями свободы? Нет, это совершенно неприемлемо. Мы не будем предавать своих товарищей, изо всех сил борющихся с проклятым самодержавием!

– Иосиф Виссарионович, – покачал головой Мартынов, – быть может, вы перестанете говорить лозунгами, ведь мы с вами не на митинге. И прекратите обзывать меня господином и жандармом, ведь я никогда не был ни тем, ни другим. Если вы не хотите называть меня товарищем, то обращайтесь ко мне, пожалуйста, по имени. Если вы запомнили, то я напомню, что зовут меня Евгений.

– Хорошо, Евгений, – сказал немного успокоившийся Коба, – возможно, я немного погорячился. Мы действительно не на митинге, а вы не мой товарищ. Вот только объясните, почему я не должен считать вас господином и жандармом?

– Это достаточно долгий разговор и вести его на ногах неприлично, – ответил Мартынов, – поэтому, Иосиф, садитесь на вон тот стул, а я сяду на свое рабочее место. Сейчас, как я и обещал, нам принесут чай с баранками, после чего мы с вами и поговорим...

– Не нужен мне ваш чай, Евгений! – резко ответил Коба, присев на указанный стул. – Вы что, думаете подкупить меня таким дешевым приемом? Жандарм вы там или нет, я не знаю, но категорически отказываюсь идти у вас на поводу. Вы слышали? Категорически!

– Вы, Иосиф, – хмыкнул Мартынов, – опять поспешили со своими выводами. Никто и не собирается вас подкупать. Очень нам это надо. Мы всего лишь хотели предложить вам сотрудничество в тех областях российской жизни, где наши интересы совпадают. Мы тоже считаем, что права рабочего класса должны быть защищены, в трудовом законодательстве должен быть наведен порядок, а продажные инспектора фабричных инспекций должны быть заменены честными и мотивированными людьми.

По мере того как подполковник Мартынов говорил, лицо у Кобы складывалось в маску недоверчивого изумления.

– Мне удивительно слышать такие речи от человека, поставленного охранять существующий порядок, – с недоверием произнес он. – И вообще, Евгений, кто это такие «мы», и с какой целью вы стараетесь притвориться друзьями народа?

– Во-первых, – сказал Мартынов, – «мы» – это ваш покорный слуга, потом государыня-императрица Ольга Александровна и канцлер Империи Павел Павлович Одинцов, а также оба героя Тюрнченского сражения: наш будущий князь-консорт Александр Владимирович Новиков и Великий князь Михаил Александрович. И это я вам назвал только лиц, непосредственно приближенных к трону и представляющих собой саму квинтэссенцию власти. Кроме того, на пост министра экономики канцлером уже назначен сочувствующий большевистским идеям фабрикант Савва Морозов, а министром финансов назначен честный спец господин Кутлер. В экономическом блоке вакантно пока только место министра труда. Госпо-

дин Ульянов, он же товарищ Ленин, которого планируется назначить на эту должность – человек сложный, и его еще на это придется уговаривать, как какую-нибудь барышню-гимназистку на первое свидание...

– Но постойте, Евгений! – нетерпеливо воскликнул Коба, – и ответьте мне на один вопрос. Скажите, а с чего это вы вдруг неожиданно стали переживать за угнетенный рабочий класс, в то время как прежде вам и дела до этого не было?

– А прежде, – просто ответил Мартынов, – в этом мире не было и нас самих. Я, канцлер Одинцов, полковник Новиков и другие наши товарищи появились в этом мире только первого марта, возникнув на своих кораблях прямо посреди Тихого океана. Одним словом, люди мы тут не местные, а пришедшие из далекого две тысячи семнадцатого года...

– Я вам не вэрю, Евгений, – с сильным акцентом сказал Коба, – вы все врете. Такого не может быть, потому что такого не может быть никогда.

– Хотите доказательств? Будут вам доказательства! – произнес Мартынов, открывая ящик стола и доставая оттуда фотографию. – Вот, держите и смотрите. Скажите, Иосиф, вам знаком этот человек?

С некоторым недоверием Коба разглядывал врученное ему цветное фото и ничего не понимал. Седоволосый, усатый мужчина в генеральском мундире был ему чем-то смутно знаком... Таким бы, наверное, сейчас мог бы быть его отец, если бы родился в семье князя, а не нищего крестьянина. Вот только почему у этого генерала такие странные погоны, а на груди, там, где должны быть ордена, непонятная золотая пятиконечная звезда на красной колодке?

– Смотрите внимательно, Иосиф, – со странной интонацией в голосе сказал Мартынов, – этот человек должен быть вам очень хорошо знаком...

– Я вас не понимаю, Евгений, – сказал Коба, откладывая фотографию на стол, – я никогда не видел этого человека, хотя должен признать, что он мне кого-то напоминает...

– Ну конечно же, напоминает, – хмыкнул Мартынов, – этого человека ты видишь каждый раз, когда смотришься в зеркало. Это ты сам, но только сорок или пятьдесят лет спустя – в ореоле правителя-победителя, построившего первую в мире социалистическую державу и выигравшего тяжелейшую войну. Все считали невозможным практическое построение социализма в отдельно взятой стране, а ты взялся за это и довел дело до конца.

– Погодите, Евгений... – растерянно сказал Коба, – но как так может быть? Вы, наверное, взяли этого человека и специально загримировали и одели его для этой мистификации...

– Никакой мистификации тут нет, – решительно ответил Мартынов, – это именно вы – отец народов, вождь и учитель, генералиссимус и лучший друг советских физкультурников – стоите гордый, как Сизиф, все-таки вкативший на гору свой камень. И откуда же вам было знать, что еще сорок лет спустя после вашей смерти все построенное вами рухнет, а ваши идейные наследники сначала интеллектуально вырождаются, а потом растащат страну на отдельные части...

– Но как такое вообще могло случиться? – недоуменно спросил Коба, – что вы попали оттуда сюда к нам?

– В подробности той истории я вас посвящать не буду, вы уж извините, – пожал плечами Мартынов, – потому что одни назовут ее стечением случайных обстоятельств, другие – последствиями технических недоработок и недостаточной испытанности новой техники, а третьи – проявлением Божьей воли... Другое дело, что, оказавшись в этом мире, мы как лососи на нерест, устремились на грохот залпов разгорающейся русско-японской войны. Результат известен всему миру. Японский флот на дне, армия разгромлена, а император страны восходящего солнца согласился признать свое поражение. Потом, победив внешних врагов, мы занялись внутренними неурядицами, и помощниками нам стали младшие брат и сестра бывшего императора, которые оказались людьми, не лишенными совести... Мы использовали эти их устремления, присоединив к ним свою осведомленность о подспудном смысле событий и уме-

ние вести политику в значительно более жестких условиях, чем имеются сейчас. Наша цель – империя с человеческим лицом, в которой не будет нищих и голодных, босоногих и ободранных.

– Ну хорошо, Евгений, – сказал Коба, снова опустившись на свой стул, – я вам почти поверил. Имея знания о будущем, вы вполне могли очаровать и взять под свой контроль двух младших детей позапрошлого императора Александра. Но только скажите – какой вам был прок вступаться за угнетенных трудящихся? Ведь вы же по самому своему положению оказались у самой верхушки класса эксплуататоров?

– Опять же это была совесть, – ответил Мартынов. – Совесть, мой дорогой Иосиф, это такая штука, что если она есть, то против нее не попрешь... Да и государственные интересы тоже требуют, чтобы основная народная масса не прозябала в нищете, а по результатам своего труда могла бы жить сытой, счастливой жизнью. Иначе ни нормальную промышленность не развить, ни лояльную армию не создать, ибо солдаты, происходящие из нищего и голодного народа, в конце концов, не будут со всей отдачей сражаться за веру, царя и отечество, а станут искать способ, как бы перевести войну империалистическую в войну гражданскую. Нам известны общие закономерности развития общества, а также большинство тех ошибок, которые вы сделали, когда были первопроходцем. Мы хотим соединить абсолютную монархию во главе с правильной императрицей и стремление нашего народа к справедливости. При этом мы совсем не хотим разрушать страну, какие бы благие побуждения за этим ни стояли, потому что в прошлый раз две революции, буржуазная и социалистическая, а также громыхнувшая после них гражданская война стоили России задержки развития в пятнадцать лет. Вы думаете, в условиях разрухи и бандитского беспредела, появившегося после падения Российской империи, пролетариат и беднейшее крестьянство оказались счастливы? Да черта с два! В кровавой кутерьме сгинули двадцать миллионов человек, а остальные вдосталь нахлебались голода и разрухи. Мы против такой цены за воплощение вековой мечты человечества о построении справедливого государства, а потому, как сказал ваш Ильич, пойдем другим путем. У нормальных специалистов дела так не делаются. Революция сверху – это тоже революция, даже если она ставит своей целью улучшение и усиление существующего государства, а не его уничтожение. Наша цель – сделать Российскую империю богатым, сильным и процветающим государством, но это невозможно, если мы не сумеем добиться установления всеобщей социальной справедливости – и именно для достижения этой цели мы и предлагаем союз партии большевиков. Мы знаем, что и как нужно делать, на что обращать внимание в первую очередь, а на что потом, а у вас есть мотивированные люди, которые сделали борьбу за идеалы справедливости смыслом своей жизни. Кроме того, у нас есть власть и влияние, и всю их мощь мы сможем обрушить на тех, кто будет сопротивляться построению справедливого общества. А таких будет немало даже среди революционеров, ибо борцов за справедливость и народное счастье в рядах революционных партий чуть ли не столько же, сколько желающих насладиться разрушением государства и созданием всеобщего хаоса. И таковые есть даже среди большевиков, хотя вашу партию можно назвать наименее приверженной этому безумию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.